

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- Баранов Ю.В.* ОБРАЩЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФАБРИЧНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 6
- Кузьмин С.И., Селезнева И.В.* ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ (СЕРЕДИНА 50-Х – КОНЕЦ 60-Х ГГ.)..... 13

РАЗДЕЛ II.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- Клоченко Л.Н.* ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ 20
- Мерзлякова В.А.* НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ ХАЛАТНОСТИ 29

РАЗДЕЛ III.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

- Дерябина Е.М.* О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 33
- Козьякова Н.С.* НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО
И ЕВРОПЕЙСКОГО КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА
(КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ) 38
- Лаврухин А.Н.* НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ (ТОРГОВОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ 43
- Хаснутдинов Р.Р.* КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ 49

РАЗДЕЛ IV.

Трибуна молодого ученого

- Сеничева П.В.* К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ» И «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ»
(В РАМКАХ СТ. 277 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ) 55
- Фадеев П.И.* ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАЦИИ, КАК НОВОГО СПОСОБА
УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ 61
- НАШИ АВТОРЫ** 67

CONTENTS

SECTION I. HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

<i>Yu. Baranov.</i> ENTREPRENEURS' COMPLAINTS AS A POSSIBILITY OF INTERPRETING AND DEVELOPING FACTORY LEGISLATION	6
<i>S. Kuzmin. I. Selezneva.</i> THE EXPERIENCE OF REFORMING THE SYSTEM OF FORCED LABOUR INSTITUTIONS IN THE SOVIET STATE (MID-1950S – LATE 1960S)	13

SECTION II. STRENGTHENING THE RULE OF LAW, FIGHT AGAINST CRIME

<i>L. Klochenko.</i> THE CONSEQUENCES OF MENTAL VIOLENCE	20
<i>V. Merzlyakova.</i> SOME FEATURES OF SUBJECTIVE SYMPTOMS OF NEGLIGENCE	29

SECTION III. INDIVIDUAL ISSUES OF LAW AND ENFORCEMENT

<i>Ye. Deryabina.</i> ON THE DRAFT OF THE EUROPEAN UNION CONSTITUTION	33
<i>N. Kozyakova.</i> NEW PROBLEMS OF RUSSIAN AND EUROPEAN CANON LAW (COMPARATIVE ASPECT)	38
<i>A. Lavrukhin.</i> SOME FEATURES OF TRADE LEGAL REGULATION IN RUSSIA	43
<i>R. Khasnutdinov.</i> CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE SYSTEM OF LEGAL LIABILITY	49

SECTION IV. TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

<i>P. Senicheva.</i> TO THE CONTENT OF THE CONCEPTS “STATESMAN” AND “PUBLIC FIGURES” (UNDER ART. 277 OF THE CRIMINAL CODE)	55
<i>P. Fadeyev.</i> THE PROSPECTS OF MEDIATION AS A NEW METHOD OF CONFLICT RESOLUTION	61
OUR AUTHORS	67

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 34 (091) (470)

Баранов Ю.В.

Московский государственный областной университет

ОБРАЩЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье описывается практически не изученная деятельность сотрудников министерства финансов Российской империи по правовому применению фабричного законодательства (Закона от 3 июня 1886 г., Устава о промышленности). В основе исследования лежат представления инспекторов, обнаруживших нарушения закона при составлении условий найма и правил внутреннего распорядка, а также жалобы фабрикантов на постановления фабричных присутствий. Разбор обращений позволял толковать нормы закона, вносить дополнения, изменения и таким образом способствовал дальнейшему совершенствованию фабричного законодательства.

Ключевые слова: Российская империя, министерство финансов, фабричная инспекция, фабричное присутствие.

Yu. Baranov

Moscow State Regional University

ENTREPRENEURS' COMPLAINTS AS A POSSIBILITY OF INTERPRETING AND DEVELOPING FACTORY LEGISLATION

Abstract. The article reveals the little-studied activity of officials of the Ministry of Finance of the Russian Empire targeted at the enforcement of factory legislation (The Act of June 3, 1886). The research is based on the inspectors' reports stating the violations of law in drawing up the terms of employment and internal regulations, as well as manufacturers' complaints about the resolutions of the factory committees (pristustvia). The consideration of appeals allowed of interpreting the norms of the law, making amendments thus contributing to further improvement of the factory legislation.

Key words: Russian Empire, the Ministry of Finance, factory inspection, factory committee.

© Баранов Ю.В., 2014.

Деятельность фабричной инспекции за соблюдением фабричного законодательства достаточно хорошо изучена [1–3]. В стороне от исследования остался один из главных институтов, руководивший фабричной инспекцией, каким было министерство финансов Российской империи. Именно это ведомство принимало активное участие в разработке фабричного законодательства. Закон от 3 июня 1886 г.¹, получивший название «Правила о надзоре...», впервые предоставил право фабричной инспекции осуществлять надзор за условиями договора найма и его исполнением между рабочими и предпринимателями. Каждое правонарушение протоколировалось инспектором и передавалось в губернское по фабричным делам присутствие (далее Присутствие). Если хозяин предприятия не соглашался с постановлением Присутствия об административном наказании, то он имел право принести жалобу на имя министра финансов. После рассмотрения дела в департаменте торговли и мануфактур министерства, принималось окончательное решение с сообщением заявителю.

С первых же дней вступления закона в силу возникли определенные трудности в правоприменительной практике. Согласно закону, фабричная администрация обязана была выдавать рабочим расчетные книжки, в которых

¹ Собственно закон состоял из двух частей: общие правила найма, распространяющиеся на всю Российскую империю, и «особые правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», представляющие частью развитие сказанных правил, частью же новые постановления, непосредственно связанные с вновь образованными органами надзора – губернскими и столичными присутствиями по делам фабричного законодательства.

прописаны условия найма, правила внутреннего распорядка и основные статьи законов. По старой традиции, фабриканты старались внести в договор найма соглашения, противоречащие новому закону. Так, в расчетных книжках рабочих записывали условия о возмещении вреда хозяину и определение неустойки за оставление работы на фабрике до истечения срока найма, причем позволявшие начальству самостоятельно определять размер ущерба и взыскивать его с рабочих². С этим категорически были не согласны Присутствия, считавшие (исходя из точного смысла статьи ст. 7 отд. I «Правил о надзоре...»), что ущерб не мог определяться фабрикантом, а самовольное оставление работы до истечения срока найма – не всегда являлось правонарушением.

Спор разрешился в министерстве финансов, где признали право фабрикантов на вознаграждение за вред и убытки, причиненные рабочими, но оно могло быть осуществимо не собственной властью хозяина, а лишь на общем основании, путем подачи гражданского иска в суд. С целью недопущения недоразумений в будущем, министерство указало, какие конкретные статьи Закона от 3 июня 1886 г., Устава о промышленности (изд. 1887 г.) и Законов гражданских (т. X ч. I Свода Законов Российской Империи) необходимо печатать в расчетных книжках. За договаривающимися сторонами оставлено право заключать добровольное соглашение по этому предмету. Взыскание неустойки за самовольный

² Руководствуясь п. «ж» ст. 24 Отд. II Правил о надзоре включали в договор найма ст. 684, 2233, 2234 и 2239 Том X ч. I Законодательства Гражданского.

отказ от работы до истечения срока найма справедливо, но необходимо учитывать причины, указанные в законе, согласно которым рабочий имел право досрочно расторгнуть договор. Поэтому Правлению Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и Богородско-Глуховской мануфактуры циркулярно было указано о недопустимости определять размер ущерба и его взыскания властью владельца производства¹.

Фабриканты при составлении правил внутреннего распорядка оставляли себе лазейки для получения дополнительной прибыли. В 1890 г. фабричный инспектор утвердил правила внутреннего распорядка для литейно-механического заведения купца И. Пономарева. По прошествии времени он просил фабричного инспектора утвердить еще два дополнительных пункта к ранее принятым правилам. В них было записано: во-первых, работающим на заводе сдельно мастеровым и рабочим за бракованные изделия плата не производится, если негодность произошла от небрежности или неумения рабочего, а, во-вторых, если рабочим допущен брак по неумению или небрежности и он не сумел его исправить, то управление заводом вправе поручить исправление или переделку другому более опытному мастерovому, с вычетом из заработка первого в пользу последнего стоимости переделки (согласно ст. 97 и п.5 ст. 137 Устава о промышленности, изд. 1887 г.).

Фабричный инспектор отказался подписать новые дополнительные пункты к правилам внутреннего

распорядка. Его поддержало Владимирское Присутствие. Поверенный владельца обратился с жалобой в министерство на Присутствие за отказ последнего в утверждении двух дополнительных условий. В министерстве посчитали, что включение названных пунктов в правила внутреннего распорядка было бы «...равносильно дозволению Пономареву производить с рабочих собственной властью вычеты в свою пользу на возмещение причиненного действиями их ущерба, что, между прочим, взыскание с рабочих убытков, понесенных фабрикантами..., может иметь место не иначе как по суду...».² По мнению министра, постановление Владимирского Присутствия являлось правильным.

Иногда само Присутствие неправильно толковало нормы закона или издавало циркуляры в нарушение закона. Правление товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном включили в правила внутреннего распорядка и табели взысканий штраф в размере одного рубля за принесение рабочими на фабрику водку и табак. Фабричный инспектор отказался утверждать эти правила, т. к. не было нормы в законе за такое правонарушение. Вместо этого он предложил отбирать и уничтожать приносимые водку и табак, а рабочего, попавшегося более двух раз, увольнять по п. «в» ст. 20 отд. I «Правил о надзоре...» за «дурное поведение». Правление не согласилось и считало, что по общему смыслу ст. 33 отд. II «Правил о надзоре...», принесение водки есть нарушение порядка на фабрике, и нарушитель должен быть подвергнут штрафу в размере

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). – Ф. 102. ДП-2. Оп. 42. Д.34. Ч.24. Л.37-40, включая оборотные.

² ГАРФ. – Ф.102. Д-2. 1885. Оп.42. д.34. Ч.15. Л. 140, 141 включая оборотные.

одного рубля. Кроме того предполагаемую конфискацию вести трудно: нет сотрудников для проведения обыска. Владимирское Присутствие поддержало в данном случае фабричного инспектора, и только обращение в министерство решило казус.

В министерстве посчитали, что владельцы фабрик могут запретить приношение водки на производство, так как (на основании п. «е» ст. 29 отд. II «Правил о надзоре...») правила внутреннего распорядка должны заключать в себе «определение обязанностей рабочих по соблюдению порядка и благочиния на фабрике». Названный проступок может быть отнесен п.п. «д» и «е» ст. 33 отд. II «Правил о надзоре...», т. е. «непослушание» и «приход на работу в пьяном виде», тогда как конфискация водки не установлена Законом от 3 июня 1886 г.). В связи с этим постановление Присутствия было признано неправильным и отменено. Аналогичное прошение прислало правление Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К⁰ в котором также был возбужден вопрос по поводу принесения на фабрику рабочими спичек, табаку, папирос, трубок и т. п.¹

На основании ст. 15 отд. I «Правил о надзоре...», запрещавшей с рабочими «делать вычеты на уплату их долгов», Владимирское Присутствие издало циркуляр о том, что при выдаче рабочим заработной платы, фабриканты не имели права производить с рабочих вычеты для уплаты податей или недоимок по требованию сельских старост, волостных правлений, станковых приставов или исправников.

¹ ГАРФ. – Ф.102. Д-2 . 1885. Оп.42. д.34. Ч.15. Л. 24-28, включая оборотные.

Министерства финансов и внутренних дел признали его незаконным, т. к. государственные подати и различного рода сборы почитаются бесспорными (на основании ст. 91 т. X ч. 2 Свода Законов, изд. 1876 г.), а отсутствие в упомянутой ст. 15 указаний о вычетах на уплату податей не могло служить основанием для их вычетов, ибо заключающаяся в этой статье норма относится только до долгов третьим лицам и не могла касаться платежа казенных податей и сборов. Вследствие чего представлялось необходимым сделать в ст. 15 отд. I Закона от 3 июня 1886 г. соответствующее дополнение.

Рабочие, согласно закону, должны были иметь правильно оформленные расчетные книжки. Владельцы предприятий или заведующие нередко не выдавали расчетные книжки рабочим или неправильно их оформляли. За такие правонарушения Присутствия налагали на фабрикантов штрафы, доходившие до нескольких сот рублей с одного предприятия. На министерство обрушился вал жалоб фабрикантов, настаивающих на отмене постановлений Присутствий. Министерство финансов объясняло Присутствиям, что взыскание (налагаемое по п. 2 ст. 40 отд. II «Правил о надзоре...» за неправильное ведение расчетных книжек) должно быть определяемо не по числу книжек, в которых обнаружены сказанные неправильности, а по числу самих нарушений по ведению расчетных книжек.

В частности, московским столичным Присутствием в 1888 г. оштрафован заведующий фабрики Илья Кузнецов за неправильное ведение расчетных книжек 18 рабочих на 90 руб.: по 5 руб. за каждую книжку. В

министерстве считали, что Кузнецовым допущена одна неправильность, а именно: не обозначен срок выдачи рабочим заработной платы, и, следовательно, размер взыскания должен быть определен в 25 руб.¹ Аналогично было и с владельцем чугуно-литейного завода в г. С.-Петербурге купцом Исидором Гольдбергом. А вот штраф за отсутствие у рабочего расчетной книжки определялся по количеству рабочих, ее не имевших². В первой половине 1889 г. фабричный инспектор при посещении предприятия судогодского купца Кузьмы Голубева обнаружил несколько правонарушений, в том числе об отсутствии в фабричной лавке списка продуктов за июнь и июль, утвержденных фабричной инспекцией. Но Владимирское Присутствие подвергло Голубева штрафу не за отсутствие списка, а за отпуск товаров рабочим в кредит в размере 25 руб., на основании ст. 41 отд. II «Правил о надзоре...». В министерстве обнаружили, что взыскание наложено неправильно, т. к. продажа в кредит не является нарушением закона. Поэтому Присутствию нужно снова рассмотреть дело³.

Кроме того фабриканты совершали и другие правонарушения, например, не назначали заместителей, не имели именного списка рабочих, не вели специальных книг (например, штрафных), не вывешивали в производственных помещениях предприятия правила внутреннего распорядка и расценочной таблицы, брали с рабочих

плату за освещение и инструменты, расплачивались с рабочими товаром, записками в лавку, что запрещено законом и т. д. В январе 1888 г. Владимирское Присутствие оштрафовало Иваново-Вознесенского купца Д. Бурылина на 1085 руб. за нарушение закона. При рассмотрении жалобы установили, что ответчиком по указанным нарушениям должен быть признан не владелец, а заведующий фабрикой Эдуард Лауберг. Присутствие не нашло возможности объявить Лаубергу взыскание, и, следовательно, ожидать от него уплаты штрафа. На основании ст. 19 отд. II «Правил о надзоре...» оно обратило упомянутое взыскание на купца Бурылина, о чем ему и объявило. Чиновники министерства указали на ошибку Присутствия, что оно «... не имело законного основания обращать исчисленное с Лауберга взыскание на Бурылина без предварительного объявления своего Лаубергу, но за безуспешностью розысков последнего, было обязано принять меры для объявления ему своего постановления порядком, указанным в Уставе Судопроизводства Уголовного и Гражданского (ст. 384, 385 и 386 Устава Уголовного Судопроизводства и ст. 293, 295, 298, 299 и 301 Гражданского Судопроизводства), а именно посредством вручения повестки о состоявшемся решении<...> Повестку можно было вручить родным или опубликовать решения по правилам ст. 295 и 298 Устава Гражданского Судопроизводства»⁴.

Постановление Присутствия о переложении ответственности с одного лица на другое, по мнению министра финансов, породило юридическую

¹ ГАРФ. – Ф.102. ДП-2. 1885. Оп.42. д.34. Ч.15 Л. 15, включая оборотные.

² ГАРФ. – Ф.102. Д-2. 1885. Оп.42. Д.34.Ч.15.Л. 97.

³ ГАРФ. – Ф.102. Д-2 . 1885. Оп.42. д.34. Ч.15. Л. 31-35, включая оборотные.

⁴ ГАРФ. – Ф.102 ДП-2. 1885. Оп.42. д.34. Ч.15. Л. 9 об., 10.

коллизии, ибо платить должен Лауберг при условии объявления ему постановления Присутствия, а т. к. постановления Присутствия Лаубергу не было объявлено в установленном порядке и не вошло в законную силу (ст. 6 отд. II «Правил о надзоре...»), то он не обязан возмещать убытки Бурылину, если последний его заплатит 1085 руб. Поэтому данное постановление Присутствия «отменить и предложить ему сделать зависящее распоряжение к объявлению своего решения Лаубергу указанным выше порядком»¹.

Исходя из требований закона, договор найма заключался с вольнонаемными рабочими, но один из заведующих придумал оригинальный способ избежать контроля со стороны фабричной инспекции и получить максимальную прибыль. На лесопильном заводе в Рязанской губернии в мае 1896 г. заведующий уволил всех рабочих и заменил их солдатами местной артиллерийской бригады, командир которой дал обещание отпускать солдат ежедневно на работу в лесопилку до ноября месяца. Узнав об этом, старший фабричный инспектор Рязанской губернии обратился в министерство с представлением, в котором указал, что солдаты выполняли все виды работ лесопильного производства. И потому они на основании ст. 134 Устава о промышленности, должны быть снабжены расчетными книжками, но такое требование закона не может быть применимо к воинским нижним чинам, как лицам юридически неспособным к заключению договоров. Решением этой коллизии занялись в министерстве.

¹ ГАРФ. – Ф.102 ДП-2. 1885. Оп.42. д.34. Ч.15. Л. 8-12, включая оборотные.

После переписки двух министров финансов и военного было установлено, что увольнение нижних чинов на работы на фабрики и заводы, как сопряженные в большинстве случаев с чрезмерным трудом и вредом для здоровья, безусловно воспрещалось [4, с. 155–156]. Инспекция должна потребовать от заведующего лесопилкой замены солдат на работников вольнонаемного труда, с заключением договора и выдачей расчетных книжек. А владельцы промышленных заведений, по сообщениям инспекторов Курской, Харьковской и Пермской губерний, готовы были нанимать не солдат, а арестантов в качестве рабочих для выполнения обязанностей носчиков на лесопильных заводах. По этому вопросу между Министерством финансов, внутренних дел и юстиции состоялась переписка. В итоге было принято следующее решение: министерство финансов сообщило Присутствиям о допустимости найма исправительных арестантов в качестве рабочих на фабрики и заводы, но с запрещением им работать совместно с вольнонаемными рабочими. Арестанты должны составлять особые партии рабочих, и не иметь возможности общаться с вольнонаемными рабочими².

К началу XX века чиновники министерства проделали определенную работу. По просьбе московских фабрикантов были внесены изменения в ст. 153 Устава о промышленности (изд. 1893 г.), установившей максимальный размер штрафа не свыше пятисот рублей за невыдачу и неправильное ведение расчетной книжки³. Сделаны

² ГАРФ. – Ф.102. ДП-6. Оп.1901. Д.57. Л.202-203, включая оборотные.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП-2. Оп.42. Д.34. Ч.24. Л.51

дополнения в п. 4 ст. 105 Устава о промышленности (изд. 1893 г.), дающие фабриканту право увольнять рабочих за курение табака и держание при себе спичек, трубок и папирос в неотведенных для этого местах; а главное – в инструкционном порядке фабрикантам запретили самостоятельно определять сумму ущерба и взыскивать с рабочих деньги за причиненный вред и другие новшества. Таким образом, деятельность работников министерства способствовала дальнейшему развитию фабричного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Ю.В. Развитие законодательства о фабричной инспекции в начале 80-х гг. XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2006. № 1. С.30–36.
2. Таштабекова И.Ю. Правовое регулирование деятельности фабричной инспекции в России в конце XIX начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 182 с.
3. Шавин В.А. Организационно-правовые формы надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде во второй половине XIX в. конце 80-х гг. XX века: автореф. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2009. 34 с.
4. Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции: вып. 1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1898. 287 с.

УДК 340.1

Кузьмин С. И.*Московский государственный областной университет***Селезнева И. В.***Российский государственный социальный университет
(филиал в г. Руза Московская обл.)*

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (СЕРЕДИНА 50-Х – КОНЕЦ 60-Х ГГ.)

Аннотация: В статье анализируется комплекс мероприятий направленных на реформирование исправительно-трудовой системы после 1953 г. под влиянием гуманизации ранее карательной политики государства. В результате принятых организационно-правовых мер ведомственные правовые акты, ранее регулировавшие исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, утратили свое значение. Вновь принятые в этот период законодательные акты юридически закрепили систему мест лишения свободы, способную решать задачу целенаправленного исправления осужденных.

Ключевые слова: уголовное наказание, исправительно-трудовое законодательство, условно-досрочное освобождение, СССР.

S. Kuzmin*Moscow State Regional University***I. Selezneva***The Ruza Branch of Russian State Social University*

THE EXPERIENCE OF REFORMING THE SYSTEM OF FORCED LABOUR INSTITUTIONS IN THE SOVIET STATE (MID-1950S – LATE 1960S)

Abstract. The article analyzes a complex of measures directed at reforming forced labour institutions after 1953 under the influence of humanizing a formerly punitive state policy. As a result the departmental legal acts which had earlier regulated the execution of criminal penalties in the form of imprisonment lost their value. The acts newly adopted in that period legally fixed a new system of imprisonment capable of solving the problem of purposeful correction of the convicted.

Key words: criminal punishment, forced labour legislation, parole, the USSR.

Перемена внутривнутриполитического курса советского государства после смерти И.В. Сталина и связанная с этим событием массовая амнистия 1953 года, повлекли пересмотр исправительно-трудовой политики в сторону смягчения. Об этом красноречиво свидетельствуют факты распространения на всех заключенных зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания, восстановление условно-досроч-

© Кузьмин С. И., Селезнева И. В., 2014.

ного освобождения, последующие амнистии¹. Изменения в условиях исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы подкреплялись созданием соответствующей правовой основы, которая нашла отражение в «Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР». В Положении основными задачами исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) признавались создания таких условий отбывания наказания, которые исключали бы возможность совершения осужденными новых преступлений, обеспечивали их исправление и перевоспитание на основе приобщения к общественно полезному труду. В 1954–1956 гг. система исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) получила однозначную официальную отрицательную оценку², что не мешало создавать новые ИТЛ для решения тех же самых хозяйственных задач. Расхождение между словом и делом способствовало длительному сохранению их в системе ИТУ.

В конце 50-х гг. вновь претерпела изменения уголовная и исполнительно-трудовая политика государства. В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 25 декабря 1958 года. Основы определили виды лише-

ния свободы: исправительно-трудовые тюрьмы и колонии; для содержания несовершеннолетних – трудовые колонии для несовершеннолетних; исправительно-трудовой лагерь как вид исполнения уголовного наказания, связанного с лишением свободы, упразднился. Изложенное выше позволяет судить о том, что сложились определенные условия для дальнейшего реформирования системы мест лишения свободы. Основы уголовного законодательства ограничивали функции администрации по досрочному и условно-досрочному освобождению заключенных. Решение этих вопросов было отнесено к компетенции суда, которому также предоставлялось право перевода заключенных при определенных условиях из колонии в тюрьму, из тюрьмы в колонию. Суд назначал подсудимому и вид лишения свободы. В Основах нашла закрепление идея максимальной экономии кары при определении меры наказания. Предусматривалось лишение свободы на срок до 15 лет только за особо тяжкие преступления. В принятых затем уголовных кодексах союзных республик по ряду составов преступлений снижались санкции, что повлекло за собой освобождение лиц, осужденных ранее на срок свыше 15 лет, если они его уже отбыли.

В декабре этого же года Совет Министров СССР утвердил Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел СССР, закрепившее курс на ликвидацию исправительно-трудовых лагерей. В связи с этим активизировалась работа на местах по строительству колоний, в том числе посредством привлечения для этих целей финансовых

¹ Приказ МВД СССР № 455 от 10 августа 1954г. «О введении во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях, зачетов рабочих дней для заключенных», Указ ПВС СССР от 14 июля 1954 г. «Об условно-досрочном освобождении заключенных» и др.

² Исправительно-трудовые лагеря были ликвидированы в 1968 г. с созданием Главного управления лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР.

возможностей хозяйственных органов и совнархозов. В 1959 г. была скорректирована судебная политика государства на основе постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня этого года. Суды ориентировались на более широкое применение мер наказания не связанных с лишением свободы, а также условного осуждения тех, кто совершил неопасные преступления. Эта установка, в конечном счете, привела к широкому распространению практики передачи лиц, совершивших уголовные преступления, на перевоспитание общественности, к применению более мягких наказаний даже по отношению к рецидивистам.

В период с 1954 по 1960 гг. деятельность мест лишения свободы неоднократно изучалась и анализировалась специальными комиссиями МВД СССР, по выводам которых издавались приказы, свидетельствующие о стремлении ужесточить условия содержания отдельных категорий осужденных. В частности, в приказе МВД РСФСР № 0250–1960 г. отмечалось: «... с целью усиления режима содержания осужденных, особенно для лиц, неоднократно судимых, отменить условно-досрочное освобождение для злостных рецидивистов; установить строгий рацион питания, поставив его в зависимость от выполнения норм выработки; запретить в жилых зонах торговать продовольственными товарами за исключением предметов первой необходимости; ввести для заключенных вместо коек с панцирными сетками жесткие нары, увеличить норму для выработки заключенных; использовать всех осужденных только на тяжелых работах; для наиболее тяжелых преступников ввести каторжные

работы, для рецидивистов и тяжких преступников установить норму питания в зависимости от их отношения к труду, запретить получение ими посылок и передач, ввести для них специальную тюремную одежду, ограничить посещение кино...»

30 января 1960 г. Совет Министров принял постановление № 95-3 в соответствии с которым освобождались заключенные, занятые на работах лесозаготовительных предприятий Совнархозов РСФСР. Оно породило дефицит рабочей силы. Чтобы исправить сложившееся положение, Совет Министров РСФСР от 20 февраля 1960 г. № 271-29 обязал МВД РСФСР в течение месяца в виде исключения сроком на один год осуществить завоз необходимого количества заключенных на общий режим в ИТЛ Архангельской, Кировской, Пермской, Свердловской, Кемеровской областей, Красноярского края, Коми АССР из других областей, краев, автономных республик РСФСР. Совет Министров СССР, также обязал Госплан РСФСР и МВД¹ в 3-х месячный срок разработать и представить Совету Министров РСФСР план ликвидации лесных ИТЛ в течение 1961–1962 года, предусмотрев завоз 35 тысяч рабочих по вербовке в 15 лесных ИТЛ.

На последующее реформирование исправительно-трудовой системы, существенное влияние оказал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1960 г. «О смягчении мер наказания вставшим на путь исправления лицам, осужденным до введения в действие «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик к лишению свободы на срок свыше остановленного». Ход выпол-

¹ См. Приказ МВД РСФСР № 069–1960 г.

нения данного указа анализировался специальной комиссией МВД РСФСР, которая установила следующее:

- во многих местах лишения свободы не выполняется требование о раздельном содержании впервые осужденных, рецидивистов и судимых за тяжкие преступления;

- все еще допускаются грабежи и воровство;

- серьезные недостатки в дисциплинарной практике. Без проверки одним приказом снимаются взыскания за 1–2 года;

- в ИТЛ все еще содержатся инвалиды и ограничено годные к труду;

- опасные преступники используются на легких работах;

- на облегченном режиме содержатся судимые за тяжкие преступления;

- нарушается социалистическая законность;

- низок уровень индивидуальной работы;

- часть работников не имеет ни образования, ни специальной подготовки;

- плохие бытовые условия, массовое перемещение контингента и др.

В качестве предположений направленных на устранение выявленных недостатков комиссия предлагала:

- оставить только два вида режима: общий и строгий;

- ввести каторжные работы;

- расширить права начальников управлений и отделов мест заключения в части назначения режима;

- не засчитывать в срок наказания время содержания в следственных изоляторах и помещениях камерного типа;

- предоставить администрации места заключения право продлевать срок;

- ввести должности начальников отрядов в тюремном режиме.

В ноябре 1960 г. МВД РСФСР утвердило план ликвидации лесных ИТЛ на территории республики, в соответствии с которым подлежали закрытию в 1960 г. – три ИТЛ, в 1961 г. – четыре, в 1962 г. последние восемь ИТЛ. Однако дальше благих намерений дело не пошло, так как на лесозаготовки не удавалось завербовать необходимое количество вольнонаемных граждан.

Начало 60-х годов характеризовалось усилением карательной политики в отношении некоторых категорий правонарушителей. Об этом свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями». Этим законодательным актом отменялась существовавшая практика условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким как по отношению к особо опасным рецидивистам, так и к лицам, осужденным за особо опасные преступления, бандитизм и ряд иных тяжких составов преступлений. Изменение карательной политики свидетельствовало о том, что ставка на применение мер общественного воздействия на преступников, в том числе передача на поруки трудовым коллективам по отношению к неоднократно судимым, не выдержала проверки временем.

Расширялись полномочия судов в части назначения видов режима осужденными. Подчеркивая значение установленного порядка определения вида колонии, Верховный суд СССР в постановлении от 19 июня 1961 г. указывал, что такой «порядок назначения судом вида исправительно-трудовой колонии, осужденным к лишению свободы, направлен на улучшение работы по исправлению и перевоспитанию

заклученных, а также по предупреждению совершения ими новых преступлений и значительно повышает роль и ответственность судов в этом деле [2, с. 214]. Одновременно с этим сужалась компетенция ИТУ в части изменения условий отбывания наказания заключенными и освобождения их от наказания. Это нашло свое отражение в Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД союзных республик. Положением вводилось раздельное содержание разных по степени общественной опасности категорий осужденных в колониях общего, усиленного, строгого и особого видов режима. Тюрьмы сохранялись, но они предназначались только для тех, кто нуждался в особо строгой изоляции. Важность этого нормативного акта заключалась в том, что с его принятием устранялось, имевшее место прежде, содержание в одном учреждении впервые и неоднократно судимых.

Следует указать на то обстоятельство, что карательная политика советского государства во все времена определялась ЦК КПСС. Программа Коммунистической партии, принятая на XXII съезде в 1961 г., содержала в качестве политической установки задачу исправления преступников в социалистическом обществе. Заложенный в программе тезис («в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности») ориентировал общество на выполнение явно невыполнимой задачи. Нам представляется ошибочной данная точка зрения, ибо преступность, как социальное явление, не удалось ликвидировать ни в одной из существовавших социалистических стран, как, впрочем, не удалось ликвидиро-

вать и рецидивную преступность. И поскольку впоследствии становилось ясным, что преступность в советском государстве не сокращается, имеет тенденцию к росту, то уже впоследствии в юридической литературе отмечалось, что полная ликвидация преступности вовсе не является задачей сегодняшнего дня [1, с. 28–29].

Объявленный коммунистической партией курс на более широкое применение мер, не связанных с лишением свободы преподносился в 60-х годах как замена государственного принуждения мерами общественного воздействия. Однако, как показал последующий опыт реализации карательной политики, это негативно сказалось на общем состоянии преступности в стране. Как нами уже указывалось, отмена для части осужденных возможности досрочного освобождения, рост числа лишенных свободы заставили искать альтернативный вариант условно-досрочному освобождению, причем с тем условием, чтобы оставшуюся часть срока осужденные находились под контролем органов внутренних дел.

Учреждением такого типа явилась экспериментальная колония-поселение созданная в Казахстане. В 1962 г. в Кокчетавской области Казахской ССР была организована одна из первых экспериментальных колоний-поселений «Авангард». Итоги работы данного подразделения подводились в марте 1963 г. на организованном ЦК Компартии Казахстана республиканском совещании работников административных органов с участием представителей партийных, комсомольских, и общественных организаций. Работа колонии получила положительную

оценку. Новый тип мест лишения свободы (колония-поселение) на стадии эксперимента показал эффективность исполнения уголовного наказания по отношению к содержащимся в нем осужденным.

В дальнейшем экспериментальный опыт работы этой колонии получил закрепление в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления». Колонии-поселения открывали перспективу для всех категорий осужденных, и прежде всего для тех, кто не подпадал под действие норм условно-досрочного освобождения. В эти годы получили развитие и колонии, особенно для содержания рецидивистов. Это позволило сократить направление осужденных на тюремный режим. В колониях особого режима, хотя осужденные и содержались по камерам, открывались возможности для решения воспитательных задач. Большое значение для исправительно-трудовой политики имело введение нового вида исполнения наказания без изоляции от общества – условного освобождения на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении вставших на путь исправления». Его появление свидетельствовало о продолжении реформы исправительно-трудовой системы, начатой еще в конце 50-х годов.

Складывавшаяся годами практика регулирования деятельности мест лишения свободы на основе подзаконных актов и ведомственных нормативных актов в условиях формирования

правового государства вступила в явное противоречие с реальной действительностью. Поэтому закономерным в развитии и совершенствовании действующего законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы явилось обращение к его кодификации. Теоритические основы содержания работы по кодификации исправительно-трудового законодательства получили всестороннее обоснование на научно-практических конференциях, состоявшихся на базе ряда высших учебных заведений: Саратовского юридического института (1958, 1960 гг.); Ленинградского и Томского университетов (1958 и 1959 гг.).

Несмотря на прошедшие существенные преобразования в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, к началу 60-х годов деятельность исправительно-трудовых учреждений все еще не регламентировалась законами в собственном смысле этого слова. По-прежнему ведущая роль принадлежала подзаконным, в основном ведомственным нормативным актам. Многочисленные нормативные акты содержали немало недостатков и противоречий, что затрудняло работу с заключенными. В связи с этим особая роль отводилась Основам исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, над проектом которых работа началась в начале 60-х годов, они сыграли важную роль в облегчении единства и совершенствования исправительно-трудового законодательства. В разработке проекта принимали участие депутаты Верховного Совета СССР, представители юридической комиссии при совете министров СССР,

других государственных органов и научных учреждений. Законопроект рассматривался также на заседании Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей, в Президиуме Верховного Совета СССР и Президиумах Верховных Советов союзных республик [3, с. 232].

Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, как общесоюзный закон об исполнении уголовного наказания, принятый впервые в истории Советского государства, отразили в своем содержании не только достижения теоретической мысли, но и результаты передовой практики в этой сфере государственно-правовых отношений. Они установили общие принципиальные положения, составляющие юридическую базу для дальнейшей разработки и развития общесоюзных и республиканских нормативных актов, регулирующих порядок и условия отбывания уголовного наказания, а также определили пределы компетенции союзных и республиканских правоприменительных органов. После принятия Основ в 1969 г. активно стала проводиться работа по подготовке проектов исправительно-трудовых кодексов. С принятием Основ и республиканских кодексов сформировалось союзно-республиканское исправительно-трудовое законода-

тельство, вследствие чего изменилось соотношение между законами и подзаконными актами в исправительно-трудовом праве. Закон занял ведущее положение при организации исполнения наказания. Это позволило в 1970–1971 гг. на базе Основ принять исправительно-трудовые кодексы во всех республиках.

В последующие годы, принимаемые подзаконные нормативные акты стали соответствовать принципам, общим положениям, институтам общесоюзного и республиканского законодательства. Оценивая 60-е годы, следует указать на то, что произошедшие изменения в сфере уголовной и исправительно-трудовой политики привели к формированию новой, по отношению к предшествующему периоду, системы мест лишения свободы, ведущее место в которой заняли исправительно-трудовые колонии. Эта система включала в себя: колонии общего, усиленного, строгого и особо режима.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кузнецова Н.Ф. Задачи советского уголовного права // Проблемы уголовного права в свете решений XXVI съезда КПСС. М.: ВИП, 1983. С. 23–30.
2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР: 1924–1963 гг. М.: Известия, 1964. 479 с.
3. Уголовно-исполнительное право России / под ред. А.И. Зубкова. М.: Норма, 2005. 720 с.

РАЗДЕЛ II. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 347.441

Клоченко Л.Н.

Военный университет министерства обороны, г. Москва

ПОСЛЕДСТВИЯ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы, касающиеся последствий психического насилия, в том числе соотношения психического насилия и психического вреда. Автором предложены критерии классификации общественно опасных последствий в виде психического вреда, на основе которых разработана классификация последствий психического насилия. Предлагается характеристика видов таких последствий. Сформулирована дефиниция уголовного насильственного психического вреда.

Ключевые слова. психическое насилие, психический вред, физический вред, беспомощность, страх, угроза, негативные эмоции.

L. Klochenko

Military Academy of the Ministry of Defense

THE CONSEQUENCES OF MENTAL VIOLENCE

Abstract. This article deals with the theoretical issues related to the effects of psychological violence, including the ratio of mental violence and mental harm. The author proposed the criteria of socially dangerous consequences in the form of mental harm on the basis of which a classification of the effects of emotional abuse has been developed. The features of the kinds of mental consequences of violence are suggested. The definition of criminal violent mental harm has been formulated.

Key words: psychological violence, mental harm, physical harm, helplessness, fear, threat, negative emotions.

В теории уголовного права категория вреда является наименее определенной и потому дискуссионной. Р.Д. Шапаров отмечает, что психический вред не был предметом специального, комплексного исследования [16, с. 79]. В уголовном праве преступный вред – это неотъемлемое свойство любого преступления.

© Клоченко Л.Н., 2014.

В гражданском праве под понятием «моральный вред» понимаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права человека либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага (ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации¹). Преступление может причинять не только материальный вред, но и моральный, в частности психический, который в теории уголовного права относят к нематериальному вреду [9, с. 99]. Одной из актуальных задач теории уголовного права является разработка универсальной классификации последствий психического насилия.

С нашей точки зрения преступное психическое насилие – это уголовно наказуемое деяние, которое оказывает воздействие на психику человека и совершается против воли потерпевшего с целью причинения вреда, либо с допущением наступления общественно опасных последствий, либо с безразличным отношением к ним. Психическое насилие невозможно раскрыть без освещения таких понятий, как психическое воздействие и психический вред, без обращения к их сущности и классификации. В статье мы рассмотрим классификацию вредных последствий, возникших в результате психического насилия.

Если в уголовном праве существует индивидуализация наказания, то должен существовать и индивидуальный подход к определению вреда, причиненного потерпевшему. Понят-

но, что одно и то же психологическое воздействие у разных людей может вызвать совершенно разные последствия. А.М. Эрделевский отмечает, что определение содержания морального вреда как страданий означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания) или переживаний (нравственные страдания). Содержанием переживаний может являться страх, стыд или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия [19, с. 1].

Рассматривая последствия психического вреда, необходимо соотнести понятия «вред», «страдание» и «состояние». Вред – это «ущерб, порча», а страдание – физическая или нравственная боль, мучение. Состояние – это положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится человек [7, с. 102, 706, 798]. Исходя из семантики понятий, полагаем, что психическое насилие направлено на причинение вреда, который заключается в том, что человек испытывает нравственные страдания, находится в состоянии, которое не является для него нормальным, привычным.

Возникновение психического вреда приближает появление юридического

¹ Здесь и далее Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014 г.)

факта, то есть фактического состава оконченного преступления. Вместе с тем, хотя психический вред фактически выступает следствием психического воздействия, в рамках конкретных преступлений психический вред может играть роль не только следствия. Психический вред является следствием (в смысле учения о составе преступления), например, при истязаниях (ст. 117 Уголовного кодекса (УК) РФ¹. Введение человека в состояния заблуждения, что, с нашей точки зрения, является безусловным психическим вредом, используется в качестве способа совершения преступления, например, при мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

В таких преступлениях, как убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), психический вред относится к субъективной стороне преступления. У лиц, совершивших указанные преступления, намерение убить или причинить вред здоровью потерпевшему возникло внезапно в ответ на тяжкое оскорбление, унижение, насилие. В этом случае психический вред провоцирует ответную реакцию, которая выражается в общественно опасных действиях и является состоянием.

Психический вред может возникать в результате преступного психического насилия, продолжать существовать после его завершения, а также возникать после его завершения (например, у жертвы изнасилования). Психический вред в общем может быть причинен как умышленно, так и по

неосторожности. Но криминальный насильственный психический вред можно признать только при умышленном насильственном психическом воздействии, то есть когда лицо осознает, что сказанное или сделанное им воздействует на жертву.

Один из ключевых вопросов в сопоставлении психического и физического вреда – это сравнение психического вреда с приобретенными психическими заболеваниями. К примеру, Н.П. Шевченко выделяет такие виды психического насилия, как связанные с психическими расстройствами здоровья и не связанные с ними, разделяя тем самым психический ущерб на болезненный и неболезненный [18, с. 145]. Н.П. Шевченко оппонирует Б.С. Волков: «различие между психическим вредом и психическим заболеванием заключается в том, что именно психическое заболевание характеризуется определенными функциональными изменениями в организме» [1, с. 283]. При этом следует отметить, что определение психического здоровья и отклонения от нормы в психологии и психиатрии до сих пор дискуссионно.

В основу классификации последствий психического насилия мы предлагаем поставить особенности его психической природы. По указанному основанию выделяются следующие виды психического вреда:

- негативные эмоции, то есть негативные изменения в эмоциональном состоянии;
- неприятные ощущения, то есть негативные изменения в состоянии ощущений;
- негативные комплексные изменения в психических состояниях;

¹ Здесь и далее Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.06.2014 г.)

- негативные изменения в психических процессах;
- психический вред, причиняемый группе людей, тесно не связанных между собой;
- вред психическим связям в группе или в рамках связанных человеческих сообществ;
- временная психическая беспомощность.

Рассмотрим подробно каждый из перечисленных видов вреда. *Негативные эмоции*, то есть негативные изменения в эмоциональном состоянии. Л.В. Сердюк отметил, что угроза наносит вред психике потерпевшего [10, с. 17], фактически привлекая внимание к материальному составу психического насилия. Р.Д. Шарапов определяет психический вред как разновидность общественно опасных последствий преступления, представляющих собой вредные изменения в эмоциональной сфере человека в виде негативных психических состояний, не являющихся психическим заболеванием. При этом Р.Д. Шарапов называет психический вред эмоциональным стрессом и приводит такие ее виды, как опасения преступной угрозы и фрустрацию, вызванную такими опасениями, состояние сильного душевного волнения, внезапно возникшего (аффект), негативные эмоциональные состояния, не достигающие степени аффекта, психические страдания [16, с. 79–81]. Как отмечалось выше, об эмоциях страха в качестве последствий информационного воздействия пишет и Ф.Б. Гребенкин [2, с. 56]. Вид психического вреда, который рассматривается, характеризуется, например, угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

Неприятные ощущения, то есть негативные изменения в сфере ощущений. Р. Шарапов считает физическую боль физическим ущербом ввиду того, что физическая боль является следствием физического насилия, а с медицинской точки зрения физическая боль прямо соотносится с вредом здоровью [17, с. 120–127]. Соглашаясь, что боль причиняет вред и физическому здоровью человека, в целом боль как таковую необходимо признать психическим состоянием, которое является психическим вредом. Таким образом, боль является вредом психическому здоровью человека не в виде болезни, а в виде неболезненного психического вреда. Что же касается уголовного законодательства, то ст. 116 и 117 УК РФ не конкретизируют, какие психические составляющие боли входят в состав побоев и истязаний.

Негативные комплексные изменения в психических состояниях. Сюда относятся нервные истощения, дестабилизация психического состояния потерпевшего, психический вред от мучений, а также эмоциональная неуверенность, чувство неспособности защитить себя. К этому виду ущерба также относятся измененные состояния сознания [10, с. 11], а также состояние подчинения, которое характеризует, например, субъективную сторону преступления, совершенного исполнителем под принуждением со стороны подстрекателя. Выделенное А.Д. Чернявским состояние незащищенности [15, с. 21] также иллюстрирует этот вид психического вреда. В отличие от других (см. п.п. 1 и 2), рассматриваемый вид психического вреда более многоплановый в аспекте изменений в психике человека, он включает не

только эмоции, но и общее истощение психики человека, другие негативные комплексные изменения в психике.

Негативные изменения в психических процессах. Психический вред может заключаться в таких психических отклонениях неболезненного характера, как ухудшение качества естественно-нормального функционирования психики, временная или постоянная потеря функций органов чувств, ухудшение памяти, воображения, способностей человека, в частности, умственных способностей, способностей восприятия, деформации черт характера, исчезновение интереса к жизни, негативные изменения в направленности личности, ценностных ориентациях, интересах. Указываются и такие проявления психического вреда, как появление агрессивности, склонности к уединению, нервных тиков, неумение общаться, плохая успеваемость [6]. К негативным изменениям в психических состояниях и психических процессах может привести любой из видов психического воздействия, которые были рассмотрены нами ранее в приведенной классификации видов психического воздействия.

Граница между этим и предыдущими видами психологического ущерба не всегда очевидна. Поэтому целесообразно рассматривать картину психического вреда комплексно, как это делается в виктомологической литературе, когда выделяется такая совокупность психических последствий у жертвы преступления, как рекуррентное переживание травмы через неприятные воспоминания, избегание стимулов, напоминающих о травме, уменьшение интереса к значимым видам деятельности, социальная деза-

даптация, что означает существование посттравматического синдрома [13, с. 336].

Виды вреда, проанализированные выше (два последних), в УК РФ прямо упоминаются редко. К примеру, если рассматривать преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, то деяния, указанные в диспозиции данной нормы, могут привести к причинению такого вреда, как неосведомленность несовершеннолетнего, отсутствие ориентации в окружающем мире. Психический вред (негативные комплексные изменения в психических состояниях; негативные изменения в психических процессах) находится в причинно-следственной связи с невыполнением обязанностей по уходу и воспитанию ребенка: отклонение от нормального для возраста ребенка уровня умственного и психического развития, не являющиеся проявлением психического заболевания (например, негативные изменения в эмоционально-нравственной и коммуникативной сфере личности), негативная характеристика поведения ребенка и его обучения в школе, неуверенность в себе, повышенная уязвимость и другие.

Психический вред, причиняемый группе людей, тесно не связанных между собой. Возможность ущерба при психическом насилии в группе людей подчеркивали А.Д. Чернявский [15, с. 11], а также В. Громов [3, с. 146]. Наиболее ярко иллюстрирует этот вид вреда массовый страх людей перед возможностью стать жертвой преступления. Иногда для обозначения используется термин «массовый психоз». К сожалению, анализируемый вред, является примером первого из указанных видов вреда нашей классификации, то есть

вид, который характеризуется отрицательными эмоциями. Жертвами такого вреда становится одновременно множество людей, прямо не связанных между собой социально-психологическими факторами в повседневной жизни.

Рассмотрим этот вид психического вреда на примере страха перед террористическим актом. Особенность коллективного страха перед терроризмом состоит в том, что носители страха осознают его распространенность, боятся одного и того же. Так что есть основания согласиться с Ф.Б. Гребенкиным в том, что страх носит как индивидуальный, так и общественный характер [2, с. 26]. В.А. Туляков отмечает, что ощущение постоянной угрозы террористических актов воспринимается американцами как неизбежное зло, как следствие образа жизни [13]. Примечательно, что один лишь слух о террористе-смертнике в толпе с взрывным устройством вызвал в Багдаде 31 августа 2005 г. потасовку, в которой погибли 965 человек и 465 получили ранения [8]. То есть страх людей, находящихся в группе, привел к реальным общественно опасным последствиям.

Страх перед терроризмом многогранен. В.А. Туляков обращает внимание на общее состояние страха перед преступностью и терроризмом (в норме – профилактика криминальных ситуаций, а патологии – паника, фобии, агрессивные реакции), состояния страха (связанные с подавленностью депрессивные состояния: печаль, аморфность поведения, наркотизм), детерминированные опытом виктимизации личностные фобии (в норме – опасения попаданий в криминальные ситуации, патологические –

неврозы, панические атаки). Страх перед терроризмом имеет криминальное значение на общесоциальном уровне (аномия), уровне малых групп (формирование склонных к насилию групп маргиналов и враждебные реакции стигматизированных «виновных» жертв), на индивидуальном уровне (влияние на психику и на моральные качества человека) [14].

П. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ предусмотрены иные тяжкие последствия. Иные тяжкие последствия является оценочным, неоднозначным понятием и требуют толкования. Рассматриваемые различными исследователями последствия в виде причинения психического вреда группе лиц могут являться одним из видов подобных тяжких последствий конкретном составе преступления. Терроризм связан и с идеологическим насилием, навязыванием собственного видения методов воздействия на мир и его переустройства. Совершение террористического акта, а также угроза его совершения преследует также цель причинения психического вреда здоровью граждан (формирование устойчивого панического страха).

Вред психическим связям в группе или в рамках связанных человеческих сообществ, например, ухудшение отношений в коллективе или охлаждение международных отношений. Этот вид вреда, в отличие от предыдущих, имеет межличностный, а не коллективный характер. Он отличается и от цепной реакции заражения страхом перед терроризмом, поскольку последний как таковой не вредит отношениям между носителями этого страха. Этот вид психического вреда, равно как и психический вред, наноси-

мый отдельной личности, может начинаться как при непосредственном воздействии на социально-психологические явления в группе людей, так и при опосредованном воздействии на них. Мир социально-психологических явлений также разнообразен, как и мир индивидуальных психических явлений человека. По качественно-содержательным особенностям эти явления делятся на взаимоотношения, общение, взаимодействие и массовые социально-психологические явления (групповые цели, взгляды и др.) [11, с. 174–188].

Особенностью указанного психического вреда является то, что он представляет собой часть комплексного социально-психологического вреда, поскольку речь идет о последствиях негативных изменений в плотно переплетенных социальных и психологических связях между людьми или их группами. Полагаем, что такой ущерб причиняется деяниями, предусмотренными ч. 3 ст. 335 УК РФ – нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии отношений подчиненности и ст. 354 УК РФ – публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Умышленно такой ущерб может быть причинен при нарушении равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной, социальной принадлежности (ст. 136 УК РФ).

Временная психическая беспомощность. К предусмотренному настоящим пунктом виду психического вреда относится, в частности, неосознанная управляемость, то есть отрицательная запрограммированность (на совершение действий, негативные установки и др.). Как следствие бессознательно-

го для потерпевшего воздействия (по Л.В. Сердюку – ограничение волеизъявления потерпевшего [10, с. 11], по А.А. Тер-Акопову – состояние управляемого (гипнотического) и замещенного (зомбированного) сознания [12, с. 93]). Отмечается, что многолетние программы по экспериментам с гипнотическим воздействием на людей имеют не столь положительный результат, чтобы утверждать о распространенности такого вреда в общекриминальной практике [4, с. 5]. Однако отечественная судебная практика знает подобные дела. Так, судебной практикой констатировалось возникновение под влиянием гипноза беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании [4, с. 11].

Негативность запрограммированности означает, что она существует в ущерб различным субъектам общественных отношений: самому потерпевшему (при изменении положительных ценностей на отрицательные), собственникам имущества – при запрограммированности на имущественные преступления против них и др. То есть указанная негативность обязательно наносит психический вред потерпевшему, а иногда дополнительно может содержать и угрозу нанесения других разноплановых видов вреда. Так, вследствие воздействия при гипнозе человек становится способным к покорению, что можно использовать в неправомерных целях: запрограммировать человека на совершение преступлений, необоснованное отчуждение имущества и др. Уголовно-правовое значение данного вреда заключается также в том, что с его помощью можно обеспечить совершение преступления, то есть психическое

программирование выступает способом совершения преступления.

Применение алкоголя, наркотических средств, их аналогов, прекурсоров, ядовитых, сильнодействующих веществ, гипноза также может нанести психический вред в виде неспособности потерпевшего сопротивляться в связи с беспомощным состоянием. Если пострадавший в такое состояние было приведен с целью завладения его имуществом, совершенное насилие, если оно не было опасным для жизни или здоровья потерпевшего, следует квалифицировать как грабеж (ст. 161 УК РФ), а если было – как разбой (ст. 162 УК РФ). Совершение преступления в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также является квалифицирующим признаком многих составов, предусмотренных УК РФ.

Психическая травма может сохраняться в течение всей жизни пострадавшего, несмотря на короткое время первых острых переживаний. Всемирная организация здравоохранения в докладе «Насилие и его влияние на здоровье» отмечает, что последствия насилия могут быть не только явными, но и скрытыми, длящиеся долгие годы после ущерба [5]. В этом аспекте также следует напомнить, что, согласно законодательству многих стран, иски по возмещению неимущественного ущерба не имеют сроков давности, что подтверждает длящийся характер неимущественного вреда (морального, психологического и др.).

Таким образом, предложенная классификация позволяет сформулировать дефиницию, согласно которой

уголовный насильственный психический вред – это вызываемые умышленным психическим воздействием изменения в психике человека, которые возникают и существуют против его желания или подсознательно для него.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казан. у-та, 1965. 136 с.
2. Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2004. 26 с.
3. Громов В.Г. Некоторые вопросы насилия над личностью // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: научно-практич. конф., посвященная памяти проф. А.Н. Красикова (20–21 марта 2003 года) / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: СГАП, 2003. С. 142–148.
4. Китаев Н.Н. Гипноз и преступления: Лекция для специальности 021100 (Юриспруденция). Иркутск: БГУЭиП, 2006. 60 с.
5. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / World Health Organization [сайт]. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/world_report/en/full_u.pdf (дата обращения: 21.09.2014 г.)
6. Об этом нужно знать каждому: издание Ижевской городской общественной организации Центр социальных и образовательных инициатив // Мир образования [сайт]. URL: <http://eduworld.udm.net/nas.htm> (дата обращения 18.09.2014 г.)
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993. 944 с.
8. Ответственность за иракскую давку взяли на себя боевики-сунниты: 1 сентября 2005 г. // Lenta.ru [сайт]. URL: <http://www.lenta.ru/news/2005/09/01/responsibility> (дата обращения: 21.09.2014 г.)

9. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М: Юрлитинформ. 2009. 248 с.
10. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: учебное пособие. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1981. 80 с.
11. Столяренко А.М., Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 423 с.
12. Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. 1993. № 4. С. 88–97.
13. Туляков В.А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы). Одесса: Юрид. лит., 2000. 336 с.
14. Туляков В.А. Страх перед терроризмом как криминогенный фактор // Актуальні проблеми політики. 2001. Вип. 10–11. С. 185–190.
15. Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 22 с.
16. Шарапов Р. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79–81.
17. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб.: Юридический центр ПРЕСС, 2001. 298 с.
18. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 206 с.
19. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: Волтерс Клувер, 1999. 320 с.

УДК 343.23.3|.7

Мерзлякова В.А.*Московский государственный областной университет*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХАЛАТНОСТИ

Аннотация. Статья рассматривает круг вопросов повышения эффективности мер (в том числе уголовно-правового характера) противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами, нерадиво исполняющими свои должностные обязанности. При определении понятия халатности законодатель прямо не указал в диспозиции статьи 293 Уголовного кодекса РФ на форму вины, с которой совершается данное преступление. Поэтому в юридической литературе существует несколько точек зрения при анализе субъективной стороны халатности. Сделан вывод о целесообразности признания, что халатность как преступление может быть совершено только с неосторожной формой вины должностного лица к наступлению общественно опасных последствий.

Ключевые слова: халатность, должностное лицо, субъективная сторона состава преступления, недобросовестное/небрежное отношение к службе.

V. Merzlyakova*Moscow State Regional University*

SOME FEATURES OF SUBJECTIVE SYMPTOMS OF NEGLIGENCE

Abstract. The article considers some problems of enhancing the efficiency of measures (including criminal law) to respond to crimes committed by officials who are negligent in performing their duties. In the definition of negligence in the disposition of Article 293 of the Criminal Code the form of the guilt is not obviously stated. Therefore in the legal literature there are several points of view concerning the subjectivity of negligence. Thus the author concludes that it is expedient to admit that negligence may be treated as a crime only in case of a careless guilt of an official resulted in publicly dangerous consequences.

Key words: negligence, an official, subjective aspect of the offense, careless or negligent attitude to service.

Уголовный кодекс (УК) РФ¹ в ст. 293 предусматривает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав или законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, или, одним словом, за халатность. Законодатель при определении понятия халатности прямо не указал в диспозиции статьи на форму вины, с которой совершается данное преступление. В связи с

© Мерзлякова В.А., 2014.

¹ Здесь и далее: Уголовный кодекс Российской Федерации принятый федеральным законом от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.11.2013 г.)

этим, в юридической литературе имеет место несколько точек зрения при анализе субъективной стороны халатности.

Многие теоретики и практики, а их подавляющее большинство, считают, что данное преступление может быть совершено с неосторожной формой вины, т. е. легкомысленно или небрежно. Свою точку зрения такие авторы аргументируют тем, что в диспозиции статьи прямо указано на «недобросовестное или небрежное отношение к службе», что позволяет судить о субъективной стороне данного преступления. Например, А.Н. Игнатов в своей работе указал, что при определении субъективной стороны халатности стоит обратить внимание на то, что установлено в законе. А закон в свою очередь гласит о «небрежном или недобросовестном отношении к своим обязанностям» [3, с. 34]. При таком закреплении в законе, возникает вопрос о разграничении между двумя понятиями: небрежном отношении к своим обязанностям и недобросовестном отношении к своим обязанностям. На наш взгляд, можно провести параллели между этими понятиями и определить их в следующем контексте. Под недобросовестным отношением следует понимать осознание должностным лицом своих погрешностей, которые он по каким-либо причинам все же допускает. Таким образом, проявляется преступная самонадеянность. В случае небрежного отношения должностное лицо допускает упущения по службе, но не осознает этого.

Однако отдельные авторы, к их числу относится и В.Ю. Малахова [2, с. 227], указывают на то, что такое преступление как халатность, может

совершаться только с формой вины в виде небрежности. Полагаем, с таким суждением можно согласиться потому, что при дословном толковании диспозиции ч. 1 ст. 293 УК РФ, а иное просто не возможно, так как это уголовный закон, о легкомыслии не говорится ни слова, т. е. наказание предусматривается только за «небрежное отношение к службе». Думаю, целесообразно было бы внести изменения в диспозицию данной статьи, где прямо указать на то, что ответственность наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие легкомысленного или небрежного к ним отношения.

Не менее интересна точка зрения о двойной (смешанной) форме вины. А.И. Чучаев полагает, что такое преступление как халатность может совершаться с умыслом или неосторожностью по отношению к общественно-опасному деянию и неосторожностью по отношению к его последствиям [1, с. 132]. Обзор судебной практики по делам о халатности позволяет сделать вывод о том, что в ряде случаев должностное лицо при осуществлении своих непосредственных обязанностей придерживается принципа «лишь бы ничего не делать», безответственно исполняет их, тем самым использует свое должностное положение и службу в личных целях. Таким образом, происходит сознательное, умышленно недобросовестное отношение к выполнению возложенных на него обязанностей, а по отношению к последствиям (существенному вреду) – неосторожность.

Однако теорией уголовного права общепринято, что только квалифици-

рующие составы преступлений могут совершаться с двойной формой вины. Тем не менее, следует отметить, что в реальной жизни любое отношение субъекта к каждому юридически значимому признаку конкретного деяния может оказать то или иное влияние на квалификацию преступления. Приверженцы двойной формы вины определяют форму вины преступления в целом в зависимости от формы отношения виновного к общественно опасным последствиям деяния. Но проанализировав ч. 1 ст. 293 УК РФ следует сделать вывод о том, что форма вины должностного лица по отношению к причинению крупного ущерба или существенному нарушению прав и законных интересов не установлена, а прямое указание в диспозиции этой статьи на недобросовестное или небрежное отношение к службе не дает оснований определить отношение виновного к преступному деянию и его общественно опасным последствиям.

Ст. 293 УК РФ является финальной в главе 30 о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, и имеет наименее тяжкую санкцию за совершение преступления. Тем не менее, указанные в диспозиции статьи общественно-опасные последствия ничем не уступают таким преступлениям, как злоупотребление и превышение должностных полномочий. Все выше изложенное позволяет судить о том, что законодатель признает халатность преступлением с наименьшей общественной опасностью и неосторожной формой вины.

Аналогично подходит к решению данного вопроса и судебная практи-

ка, которая представляет, что правоприменитель признает халатность исключительно неосторожным преступлением. Подобным образом и большинство ученых в науке уголовного права признает халатность единственным должностным преступлением, которое может быть совершено только с неосторожной формой вины. И это не случайно, так как признание вероятности умышленной формы вины лица по отношению к последствиям халатности повлечет за собой ряд серьезных противоречий.

Первым из них можно назвать обособление халатности от таких должностных преступлений, как злоупотребление и превышение должностных полномочий. Дифференциация этих преступлений всегда проводилась в первую очередь по субъективным признакам. Второе противоречие касается вопроса, какую статью уголовного закона вменять должностному лицу при «умышленной халатности», последствиями которой стали причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть. Несомненно, речь следует вести о совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и 293 УК РФ соответственно. В связи с этим возникает другой вопрос: по какой части ст. 293 УК РФ нужно квалифицировать такие деяния, поскольку ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ предполагают только неосторожную форму вины по отношению к тяжкому вреду здоровья и смерти человека.

Следовательно, целесообразно признать, что халатность как преступление может быть совершено только с неосторожной формой вины должностного лица к наступлению общественно опасных последствий. Плю-

рализм существующих в юридической литературе мнений по поводу субъективной стороны халатности вызван, очевидно, неоднозначной, неполной редакцией текста этой статьи уголовного закона. В связи с этим назревает вопрос к законодателю о внесении изменений (уточнений) в диспозицию данной статьи и разрешении ряда существующих противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Объективное и субъективное в преступлении / отв. ред. А.И. Чучаев, А.И. Плотников. М.: Проспект, 2011. 240 с.
2. Уголовное право: общая и особенная части / под ред. В.Ю. Малаховой. М.: ЭКСМО, 2012. 750 с.
3. Уголовное право России: в 2-х т. Т. 2 / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: НОРМА, 2012. 848 с.

РАЗДЕЛ III. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 341

Дерябина Е.М.

Московский государственный областной университет

О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье дан анализ особенностей создания проекта Европейской Конституции. Подробно рассматриваются цели разработки и принятия единой Европейской Конституции, необходимость в которой возникла, несмотря на существование в Европейском Союзе так называемой «договорной Конституции». Дано описание этапов этого длительного процесса, который фактически начался в 1986 году с создания Единого европейского акта, далее продолжился в 1997 году Амстердамским договором, и развивается в настоящее время. Автором представлен краткий анализ некоторых, наиболее важных положений проекта Европейской Конституции, касающихся институциональной и функциональной систем Европейского Союза.

Ключевые слова: Европейский Союз (ЕС), европейская конституция, «Лиссабонский договор», учредительный договорной акт, институциональная система ЕС.

Ye. Deryabina

Moscow State Regional University

ON THE DRAFT OF THE EUROPEAN UNION CONSTITUTION

Abstract. The paper analyzes the process of making a draft of the European Constitution, with special attention being paid to the purposes of its development and adoption. The author presents a brief analysis of this lengthy process which started in 1986 with the Treaty of European Union and then was recovered in 1997 by the Treaty of Amsterdam and is still under way. The most important propositions of the draft concerning the institutional and functional systems of the European Union are presented.

Key words: the European Union, the EU Constitution, the Treaty of Lisbon, founding act, the institutional system of the European Union.

В начале 60-х гг. XX века Европейский Суд справедливости объявил о создании Европейскими сообществами «нового правового порядка» и назвал учредительные

договорные акты, лежащие в основе формирования и функционирования Европейских сообществ, «конституционной хартией». Однако, эта, существующая в Европейском Союзе, «договорная Конституция», нуждалась не только в пересмотре и значительном обновлении, но и в оформлении в простой и краткий документ. С помощью Единого европейского акта в 1986 г., и Амстердамского договора в 1997 г. проводились попытки реформирования и обновления учредительных договорных актов. Но все это не решало назревших проблем европейского надгосударственного объединения в лице Европейских сообществ (а с 1992 г. – уже Европейского Союза), касающихся различных сторон их деятельности и эффективности. Для успешного и своевременного решения проблем, лицами, занимавшимися данными вопросами, предлагались в сфере конституционного законодательства и другие, более радикальные меры, непосредственно связанные с разработкой и принятием «настоящей» европейской Конституции.

Одна из основных целей разработки и принятия единой Европейской Конституции, по мнению экспертов, состояла в усилении легитимности основных институтов Европейского Союза «благодаря более демократичным методам выборов или назначения их представителей». Одновременно разработчиками проекта Конституции ставилась задача обеспечения конституционными средствами более высокого уровня эффективности функционирования всех органов и институтов Европейского Союза [1, с. 88–89]. Конечной целью данного «проекта», связанного с подготовкой и принятием единой европейской

Конституции было дальнейшее углубление и расширение европейской интеграции, обуславливающей эволюционное развитие Европейского Союза в направлении усиления наряду с социально-экономическими и иными его полномочиями, так же и политических прерогатив, развитие его в сторону политического Союза.

В литературе отмечается, что Конституция Европейского Союза, «аккумулируя и систематизируя в себе положения всех учредительных договоров» и отражая собой баланс между различными силами, сложившимися в европейской обществе, «не вносит ничего принципиально нового в систему европейского права» [5, с. 161]. Тем не менее ее роль и значение как для дальнейшего развития, так и повседневной жизнедеятельности Европейского Союза не следует недооценивать. Во избежание неполноты и односторонности понимания единого конституционного акта Евросоюза, не следует недооценивать также те нововведения, которые были внесены разработчиками в данный акт. В особенности это касается тех структурных и функциональных нововведений, которые были внесены в текст единой европейской Конституции. Равно как и тех нововведений, которые касаются распределения компетенции между Европейским Союзом и государствами-членами.

Анализируя проект первой европейской Конституции, следует обратить внимание прежде всего на те новые посылы-положения, которые касаются всех сторон данного правового документа, характеризуют проект европейской Конституции в целом. Среди них следует указать на «общезначимые» положения.

1) Придание Европейскому Союзу статуса юридического лица (ст. 1–7) и упрощение его внутреннего устройства за счет ликвидации прежней, малопонятной для многих граждан его структуры в виде так называемых трех «опор».

2) Конституционное закрепление основных ценностей и принципов на основе которых создается и функционирует Европейский Союз. В проекте конституции (ст. 1–2) указывается на то, что Евросоюз основывается и действует, сообразуясь с такими принципами и ценностями, как «уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенство права, а также уважение человеческих прав, включая права лиц, относящихся к меньшинствам». Эти принципы и ценности, подчеркивается в данной статье, «являются общими для всех государств-членов», в жизни которых «доминирует плюрализм, отсутствие дискриминации, терпимость, справедливость, солидарность и равноправие мужчин и женщин». Кроме того в проекте конституции закрепляются такие весьма значимые для нормального существования и дальнейшего развития Европейского Союза такие принципы, как принцип «добросовестной (sincere) кооперации Европейского Союза и государств-членов», принцип их «полного, взаимного уважения», принцип «взаимной поддержки друг друга» в решении задач, закрепленных Конституцией, и другие [6, с. 1–5].

3) Закрепление широкого перечня фундаментальных прав и свобод граждан Европейского Союза, в том числе за счет признания Хартии Европейского Союза об основных правах в качестве составной части конституци-

онального договора. Одновременно с этим, в проекте Конституции предусматривается присоединение Евросоюза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, имея ввиду, что такое присоединение «не будет оказывать влияние на компетенцию Союза, как она определяется в Конституции» (ст. 1–9).

4) Признание за государствами-членами права свободного выхода из состава Европейского Союза и вместе с тем права любого европейского государства стать членом этого Союза. В проекте Конституции по этому поводу говорится, что «Союз должен быть открыт для всех европейских государств», уважающих ценности, закрепленные в Конституции, и «обязующихся способствовать их совместному укреплению и развитию» [6, с. 1–58].

5) Закрепление таких фундаментальных положений, которые касаются «свободного перемещения рабочей силы, услуг, товаров и капитала», а также «свободы, эстаблишмента». В соответствии с Конституцией все эти положения «должны быть гарантированы Союзом». При этом особо отмечается, что «в пределах Конституции» «любая дискриминация на национальной основе должна быть запрещена» [6, с. 1–4].

6) Определение и конституционное закрепление по аналогии с национальными государствами символов Европейского Союза. Это флаг в виде «круга из 12 золотых звезд на голубом фоне, гимн, девиз Союза, евро-валюта Союза, и «день Европы», который отмечается 9 мая на всей территории Союза.

Кроме названных конституционных положений, касающихся Евросоюза и его Конституции в целом, следует указать на другие «общезначимые» поло-

жения. В частности, на те, которые касаются принципов «демократического равенства» граждан, «представительной демократии», «прямого представительства граждан на уровне Евросоюза, в Европейском парламенте» [6, с. 1–46], финансового положения Евросоюза – «собственных ресурсов Союза» и др. Наряду с «общезначимыми» положениями, в проекте Конституции содержатся также положения, затрагивающие в основном лишь отдельные, в частности, институциональную, а вместе с ней функциональную стороны Европейского Союза.

Среди нововведений проекта Европейской Конституции в научной литературе не без оснований указывалось прежде всего на «широкомасштабную институциональную реформу, способствующую дальнейшей демократизации ЕС, ускорению и большей прозрачности процедур принятия решений на европейском уровне» [4, с. 27]. Масштабность реформы заключалась в том, что она охватывала собой практически всю институциональную систему Евросоюза, состоявшую из такого важнейшего института, как Европейский совет и пяти других институтов: Европейский парламент, Совет Европейского Союза, Европейскую комиссию, Суд Европейских сообществ и Счетную палату. В проекте Европейской конституции указывались такие институты, как Европейский парламент, Европейский Совет, Совет министров, Европейская комиссия и Суд справедливости Европейского Союза. Кроме институтов в структуре Евросоюза функционирует два консультативных органа – Комитет регионов и Экономический и социальный комитет, а также Европейский центральный

банк [2, с. 52–53]. Наиболее значимые конституционные нововведения в институциональной системе Евросоюза перечислены ниже [5, с. 166].

Во-первых, официальное подразделение институтов Европейского Союза на основные (первичные), к которым отнесены Европарламент, Европейский совет, Совет министров, Европейская комиссия и Суд Справедливости Европейского Союза, и вторичные институты. К последним отнесены Европейский центральный банк, который «совместно с национальными центральными банками государств-членов, национальной валютой, которых является евро» формирует «евро»-систему и осуществляет финансовую политику Союза [6, с. 1–30], а также Счетная палата, которая в пределах Европейского Союза осуществляет аудит.

Во-вторых, придание Европейскому совету статуса института Евросоюза, который хотя и не наделяется законодательными полномочиями, но определяет основные направления политического развития Евросоюза и устанавливает приоритеты.

В-третьих, расширение полномочий Европарламента, который, согласно Конституции, совместно с Советом должен осуществлять законодательные и «бюджетные» функции, а также «функции политического контроля». Надеясь правом избирать председателя (главу) Еврокомиссии, парламент обязан давать консультации по вопросам, предусмотренным в Конституции [6, с. 1–20].

В-четвертых, введение поста министра иностранных дел Европейского Союза, который назначается Европейским советом по согласованию с председателем Европейской комиссии.

В-пятых, определение численного состава Еврокомиссии, в которую, кроме членов от государств, входящих в Евросоюз (традиционно по два представителя от наиболее населенных государств-членов и по одному – от остальных государств), входит также Председатель комиссии [3, с. 129–131]. Вместе с численным составом Комиссии Конституция определяет также численный состав Европарламента, который не должен превышать 750 членов. При этом особо закрепляется положение, согласно которому ни одному государству-члену не может «принадлежать» в Европарламенте «более девяти места» [6, с. 1–20].

Кроме названных нововведений в институциональной системе Евросоюза, в Конституции предусматривалась модернизация органов и институтов, действующих во внешнеполитической, оборонной и других сферах жизнедеятельности Союза. Неоднозначное восприятие проекта Конституции Европейского Союза в некоторых государствах-членах привело, а конечном счете, к тому, что проект, для вступления в силу которого требовалась ратификация всех государств-членов, был одобрен не всеми государствами. На референдумах, которые проводились во Франции и Нидерландах в мае-июне 2005 г., проект Конституции Евросоюза не получил необходимой поддержки. По словам западных исследователей, «это был шок», прокатившийся по всему Европейскому Союзу. Из создавшейся ситуации, однако, вскоре был найден выход, в соответствии с которым основные положения конституционной реформы намечалось реализовывать не в форме единого текста Конституции Европейского

Союза, а путем внесения поправок в существующие учредительные договорные акты.

В соответствии с решением руководителей государств-членов (июнь 2007 г.) о проведении конституционной реформы в виде модернизации действующих договорных актов, была проведена соответствующая работа по подготовке «Договора о реформе» Европейского Союза [4, с. 29–31]. Этот Договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, кратко называемый «Лиссабонским договором», стал своего рода Конституцией Европейского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков М.М. Новый учредительный договор Европейского Союза «Конституция для Европы» и последние изменения в составе и статусе Европейского парламента // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 80–95.
2. Бирюков М.М. Реформирование Европейского Совета и Совета Европейского Союза на основе принятой в 2004 году Европейской Конституции // Государство и право. 2005. № 12. С. 48–70.
3. Бирюков М.М. «Конституция для Европы» и реформирование на ее основе Европейской Комиссии и судебной системы Европейского Союза // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 118–131.
4. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Инфра-М, 2008. 698 с.
5. Кембаева Ж.М. Теоретико-правовой анализ структуры Конституции Европейского Союза // Правоведение. 2006. № 4. С. 160–168.
6. The EU Constitution. Brussels: The Reader-friendly edition by Jens-Peter Bond, 2004. 300 p.

УДК 2–740

Козьякова Н.С.*Московский государственный областной университет***НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО
КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА (КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению компаративистских аспектов российского и европейского канонического права. Автор рассматривает современные проблемы, которые стоят перед российским и европейским каноническим правом на примере Германии, Франции и Италии. Правовые институты, зарождающиеся каноническим правом, легли в основу сформировавшихся всех правовых систем, в том числе, российской. В современном понимании каноническое право является действующей правовой системой, регулирующей существующие отношения людей внутри особого религиозного общества – Церкви. Автор делает вывод о наличии духовной нравственной интуиции, которая придает смысл существующему, в том числе, каноническому праву.

Ключевые слова: каноническое право, Церковь, нравственность, грех.

N. Kozyakova*Moscow State Regional University***NEW PROBLEMS OF RUSSIAN AND EUROPEAN CANON LAW
(COMPARATIVE ASPECT)**

Abstract. The article considers the Russian and European Canon Law in a comparative aspect. The author analyzes some modern problems facing the Russian and European Canon Law taking illustrations from Germany, France and Italy. Being brought to life by Canon Law legal institutions have formed the basis of all legal systems, including the Russian one. In modern understanding Canon Law is a current legal system governing people's relationships within a religious community, i.e. the Church. The author makes a conclusion that there exists some spiritual moral intuition which attaches meaning to the whole existence, including Canon Law.
Key words: Canon law, the Church, morality, sin.

Одной из особенностей начала XXI века является практически единственная на сегодняшний день мера определения степени цивилизованности общества – это не технический прогресс и не явления искусства, а проблема отношения к инаковости, то есть восприятия «другого». Эта проблема является одним из главных элементов любой современной культурной системы и с позиций толерантности имеет свое фундаментальное и актуальное измерение [3]. Приверженцами толерантного отношения выступают, как правило, представители искусства и общественные деятели из США и Западной Европы, так как в этих странах терпимость к «иным» уже практически стала нормой. В отдельных случаях представители «иных» начинают подвергаться преследованию большинство,

которое к ним не относится. Насколько серьезна критика платформы так называемого «мультикультурализма», показал радикальный пример печально известного норвежца Андреаса Брейвика.

Приходится с сожалением констатировать, что еще несколько лет назад вопрос об однополых браках вызывал разную реакцию, но, как правило, она была отрицательной, так как его положительное решение противоречит человеческой природе. Но сегодня ответ на такой вопрос воспринимается, в отдельных случаях, неким показателем уровня цивилизованного и культурного общества. Известно, что однополые браки легализованы полностью в тринадцати странах мира и это такие страны, где устойчивая экономика, высокий уровень жизни, сильная социальная защита, например, Испания, Канада, Великобритания, Чехия, Швейцария и т. д. Известно, что на эту тему существуют разнообразные мнения, некоторые из них очень полярны, но в нашу задачу их оценка не входит. На сегодняшний день этой угрозе существования общества (напомним, что влечение к своему полу является противоестественным извращением и из-за этого погибли библейские города Содом и Гоморра, а в книге Левит¹ (18:22; 20:13) это прямо названо мерзостью) почти единственной противостоящей силой является Церковь. На протяжении всей истории Церкви, как до раскола 1054 г., так и после, подобные отношения всегда были греховны, что объяснялось повреждением человеческой природы после грехопадения.

¹ Здесь и ниже ссылки даны по тексту издания [2].

Задачей статьи является сравнение современных проблем, которые стоят перед российским и европейским каноническим правом (на примере Германии, Италии и Франции). В России Церковь призвана защищать духовные ценности, но отделена от государства. Политика защищает уязвимую часть Церкви, но не вмешивается в духовные дела. Мы являемся свидетелями становления новой мировой модели, которая в перспективе предполагает, что государство станет союзником всех церквей. Какой будет эта модель – стабильной и учитывающей новую реальность или неопределенной и сталкивающейся с проблемами социально-политических механизмов прежней формации во многом зависит от принятия нами сопротивления культурной экспансии нового мирового порядка, направленного против базисных тенденций.

Исследователи Ветхого Завета указывают [2, с. 351–352], что в нем содержание греха раскрывается при помощи восьми древнееврейских понятий с разными смысловыми оттенками:

- «чата» – непопадание в цель, отклонение от цели, т. е. отступление от требования Божественной воли;
- «ра» – разрушение в природе, теле, духе;
- «паша» – мятеж, бунт, возмущение;
- «авон» – виновность в допущенной несправедливости;
- «шагаг» – заблуждение, ошибка;
- «ашам» – вина перед Богом;
- «раша» – нечестивость как противоположность праведности;
- «таах» – обман.

В Новом Завете смысл греха нам раскрывают двенадцать греческих понятий:

- «какос» – нравственный порок;
- «понерос» – нравственное зло, исходящее от злых духов, бесов;
- «асебес» – нечестивость как результат отхода от Бога;
- «енохас» – виновность, заслуживающая суда или даже смерти;
- «хамартиа» – отклонение, промах мимо истинной цели, попадание в другую, нежеланную цель;
- «адикиа» – неправда, несправедливость, несправедливость;
- «аномос» – беззаконие, вседозволенность;
- «парабатес» – нарушитель юридических законов, преступник;
- «агнозин» – невежество, следствием которого является поклонение ложным богам;
- «пано» – обман, ложь;
- «пароаптома» – нравственное падение, преступление;
- «ипокрисис» – ложное учение, идея, преступление.

Революционные потрясения в России, происходившие в 1917 г. привели к религиозно-нравственному расколу российского общества, и негативно повлияли на гражданское правосознание. Всеобщее резкое падение нравственности, базисом которого в дореволюционное время была религия, все больше проявлялось в церковной среде, где отношения по-прежнему строились на соборных началах. Прошло много лет, и при помощи советского пропагандистского инструментария в правовом сознании сформировалась иная форма религии, которая была построена на недостижимых коммунистических безгосударственных идеалах. Вера в мировую революцию оказалась своеобразной формой «новой религии» переломной эпохи. Народ-

ное суеверие стало благодатной почвой для марксистского догматизма. Произошло формальное восприятие советской правовой доктрины христианских моральных идеалов, что впоследствии привело к дихотомии идеалов и поступков, теории и практики.

Как известно, в Православной Церкви признается семь Вселенских соборов, в Католической Церкви – свыше двадцати. Также существует большое количество локальных соборов, постановления Синодов и авторитетных богословов. Чтобы не запутаться во всем этом многообразии, католики вывели догмат о непогрешимости Папы римского. Это непростое и резкое решение навсегда закрепило правило, которое касается веры и нравственности (*ex cathedra*), и, тем самым, не допускает ни малейшей возможности сомневаться в дарах Святого Духа, которые даны Папе Римскому в силу апостольского преемства как преемнику апостола Петра.

В XX веке большое количество иммигрантов прибывали в Европу (достаточно вспомнить, так называемый, философский пароход) в поисках свободы, чтобы свободно исповедовать свою веру и выполнять ее предписания. Но сегодня в европейском обществе мы наблюдаем иногда абсурдную ситуацию, когда любые проявления веры, например, молитва, символика вытесняются из общества под предлогом выражения свободы вероисповедания.

В Германии евангелическая церковь в области права ассоциируется с взвешенным подходом, а католическая – с консерватизмом. Многие немцы считают ее неподходящей и косной для нового общества. В 2011 г. во время произнесения в Бундестаге речи Папы

Римского Бенедикта XVI, многие депутаты демонстративно покинули заседание. Несмотря на то, что звучал призыв к возвращению фундаментальным национальным и христианским ценностям, депутаты остались индифферентными. Неудивительно, что знание истории Церкви стало приоритетом узкого круга людей.

В Италии практика правовых взаимоотношений между государством и Церковью закреплена Конкордатом между Ватиканом и Итальянской республикой от 1984 г. Также имеется важное решение, которое было принято в 1989 г. Конституционным судом Италии, в котором говорится, что светскость, как высший принцип конституционного порядка, означает не индифферентность государства по отношению к религиям, а гарантию со стороны государства охраны свободы религии в режиме религиозного и культурного плюрализма. Данная формула означает не только уважение со стороны итальянских властей по отношению к Церкви, но и признание ее статуса, а также колоссального опыта в деле воспитания нации. Как известно, в Италии в период экономического кризиса, также неустойчив социальный сектор в связи с большим наплывом эмигрантов, исповедующих ислам. И итальянское общество, в отличие от немецкого, переживающего похожую ситуацию, обращается к своим христианским корням и вспоминает о Церкви, принесшей европейцам культуру и высшие ценности. Сегодня Церковь является практически единственным институтом, который может сдерживать напор исламистов.

Французское законодательство строго следует принципу отделения

Церкви от государства. Существует сильное различие между верующими и атеистами. Как и во всем мире, атеисты имеют незначительные и поверхностные представления о религии, которые носят иногда ложный характер. В массовом сознании французов существуют различного рода религиозные предрассудки, что не препятствует им гордиться культурно-религиозным наследием своей страны – музыкой, живописью и архитектурой. Верующая часть населения составляет меньшинство, что позволяет сделать вывод о том, что вера является результатом осознанного выбора или сильной семейной традицией. Существование в секуляризованном, а иногда и враждебном к христианству из-за наплыва исламских эмигрантов обществе, приводит к тому, что верующие становятся активными членами своей церковной общины, а также их вера становится осмысленной. Можно сказать, что они живут в другом мире, в грядущем, но это, конечно же, не так, хотя многие французы активно проповедуют христианство не только среди своих соотечественников-атеистов, но и более лояльных приверженцев ислама.

С нашей точки зрения, в современном каноническом праве существует серьезная, многовековая трудноразрешимая проблема: несовпадение канонического права и права нравственного. «Что свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф., 18:18). Несмотря на то, что православные, католики и протестанты понимают эти слова по-разному, это означает на деле сочетание исторического подхода и пронзительного ощущения современности. Апостол

Павел говорит: «У опытных чувства навыкам обучены различия добра и зла» (Евр., 5:14). Христианская Церковь – древнейший правовой институт современности, который имеет много правил, уставов, канонов, типиконов. Но на вершине этого всегда стоит духовное нравственное начало, которое придает смысл всему остальному. И каноническое право не является исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия (Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические). М.: Русское библейское общество, 2005. 1312 с.
2. Глобализация и девиантность / под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 393 с.
3. Гаева А.С. Политика мультикультурализма: международный опыт Франции и Германии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2014. № 3. – С. 188–197.

УДК 347.66

Лаврухин А.Н.*Московский государственный областной университет***НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
КОММЕРЧЕСКОЙ (ТОРГОВОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ**

Аннотация. Рассмотрена специфика экономического правосознания в России, которую необходимо учитывать при регулировании торговой деятельности. Поскольку в современном мире происходит интернационализация торговли, возрастает ее лидирующая роль отрасли в экономической деятельности стран. Автор считает, что российское законодательство, регулирующее торговую деятельность, носит разрозненный характер, содержит противоречия. Отсутствие системного законодательства не позволяет установить ясные правила торговой деятельности. Чтобы преодолеть законодательную неопределенность необходимо издать Торговый кодекс. Принятие такого системообразующего закона целесообразно в условиях окончательного признания обществом легитимации приватизированной крупной собственности. При этом кодификация рыночных норм в новой России должна происходить с использованием собственного правового аппарата, разработанного с учетом массового экономического правосознания. Необходимо учитывать, что российское правосознание никогда не формировалась в условиях развитого капитализма.

Ключевые слова: торговое право, рыночные отношения, правосознание, кодификация.

A. Lavrukhin*Moscow State Regional University***SOME FEATURES OF TRADE LEGAL REGULATION IN RUSSIA**

Abstract. The author considers the features of the Russian economic legislation which should be taken into consideration in regulating commercial activity. As modern trade becomes internationalized, its role as a branch of economy increases. The author believes that Russian economic legislation regulating commercial activity is fragmented and contradictory. The lack of system legislation does not allow of establishing clear rules for trading activity. To overcome legal uncertainty the Commercial Code should be issued. The adoption of such a system-making law is expedient in terms of a complete acceptance by the Russian society of large-scale privatization legitimacy. The codification of market norms in modern Russia should be carried out with the use of its own legal units taking into consideration mass legal economic awareness. It should be kept in mind that Russian legal awareness has never been formed under the conditions of advanced capitalism.

Key words: commercial law, market relations, legal awareness, codification.

Глобализация экономики сопровождается интеграцией международных торговых норм в систему российского права, в том числе некоторых принципов, обычаев, судебных решений. Однако механически внести в российскую нормот-

© Лаврухин А. Н., 2014.

ворческую практику элементы рыночного права невозможно. Экономика России семьдесят лет функционировала в условиях централизованной плановой системы управления экономикой. Механизм правового регулирования был призван подчинять интересы людей решениям, принятым сверху. При этом из права были исключены принципы свободного предпринимательства и защиты частной собственности.

Переход к рыночной экономике привел к отказу от организационно-административного механизма регулирования отношений и к замене его на экономический механизм. Это потребовало принятия принципиально иных рыночных норм, изменения процесса разработки законов и их применения. Формирование товарного рынка в современной России требовал эффективного правового обеспечения торговли, что, в итоге, способствовало развитию российского торгового законодательства, которое в настоящее время переживает период активного развития. В связи с этим возникает необходимость дальнейшей систематизации законодательного регулирования торговой деятельности.

Начало правовой систематизации положили Указы Президента РФ, которые закрепили «отраслевую» специализацию права. Так, Указом Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2171 (в ред. 1997 г.) был утвержден Общеправовой классификатор отраслей законодательства. В нем, наряду с гражданским законодательством, было выделено законодательство о торговле. Указом Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 был одобрен Классификатор правовых актов, сменивший

Общеправовой классификатор 1993 г. В главе Классификатора «Хозяйственная деятельность» имеется специальный раздел «Торговля». Тем самым признана специфика торгового законодательства, которое выделено из общей массы нормативных актов. Раздел «Торговля» разбит на несколько подразделов, которые определяют, хотя и неполно, круг отношений, принадлежащих к сфере торговли.

Торговое законодательство России закрепляет конституционные положения о единстве экономического пространства в РФ, свободном перемещении товаров, услуг и капиталов, свободе осуществления предпринимательской деятельности, поддержке конкуренции и ограничении монополистической деятельности, равной защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности и др. Основным отраслевым законом, регулирующим организацию и осуществление торговли в условиях рынка, сейчас является Федеральный закон от 28 декабря 2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о торговле). Закон о торговле является базовым документом для всех нормативных актов, регламентирующих торговую деятельность. В Законе о торговле определены цели правового регулирования: развитие торговой деятельности для удовлетворения потребностей экономики, обеспечение доступности товаров для населения, поддержка российских производителей товаров и др.

Несмотря на то, что Гражданский кодекс (ГК РФ) в Законе о торговле назван в качестве приоритетно при-

меняемого акта, им торговое законодательство отделяется от собственно гражданского. ГК РФ не регулирует торговую деятельность, он имеет иной предмет регулирования. Закон о торговле регулирует торговую деятельность как особую сферу экономики, а не имущественные отношения. Различие этих законодательных актов можно определить известной формулой: «гражданское право разъединяет людей, торговое право их объединяет». Ориентация торговой деятельности на удовлетворение интересов покупателей ведет к закреплению принципов взаимного содействия и делового сотрудничества. Быстрота оборачиваемости капитала в торговле требует принятия специальных норм, которые способствуют скорости заключения сделок и легкости их доказывания. С этим связаны частые изменения норм, регулирующих торговую деятельность. Напротив, сложность изменения гражданского законодательства не позволяет Гражданскому кодексу быстро учитывать современные запросы общества, и особенно, учитывать реальные потребности торгового оборота.

Развитие Российского торгового права идет по пути превращения его в международную систему с общими принципами. При этом необходимо учитывать то, что западное торговое законодательство сформировалось в условиях развитого товарного рынка. В России товарный рынок до сих пор находится в начальной стадии. В силу этого законодательное регулирование товарных отношений нередко не приводит эти отношения к рыночным стандартам. Такая ситуация, например, сложилась с одним из основных

организаторов товарного рынка – товарными биржами. Товарная биржа в условиях рыночного хозяйства должна определять экономически обоснованные цены на основные виды сырьевых товаров. Однако эту задачу, по мнению Б.И. Пугинского, биржей не выполняется: «Из-за серьезных просчетов в правовом регулировании и организации деятельности товарные биржи в России не выполняют функции, свойственные биржам в мировой практике, и поэтому вообще не могут считаться биржами» [3].

По мнению ряда цивилистов, в 60-е гг. XX века произошла вторая торговая революция: резко увеличился объем продаж, изменились методы организации производства и сбыта товаров, центр тяжести экономической деятельности переместился с непосредственного производства на торговые операции. Торговля становится главной среди других видов предпринимательской деятельности. Пришло понимание того, что прибыль образуется при реализации товаров, а не в процессе его производства. Прежде чем произвести продукт, предприниматель должен спрогнозировать возможность его продажи. Производится им только то, что в действительности может быть продано. Это позволило в конечном счете устранить и кризисы перепроизводства.

Значимость торговли на развитие экономики наглядно иллюстрирует Договор о поставке газа в Китай, заключенный Россией 21 мая 2014 г. Оценивая перспективы этого договора, Президент России В.В. Путин отметил: «В газовой отрасли России, да и Советского Союза это эпохальное событие... В ходе реализации этого

проекта у нас появится самая большая на ближайшие четыре года стройка в мире!» [4]. Эта торговая сделка позволит развивать сопутствующие добыче газа отрасли, строить в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке новые газохимические предприятия, заводы по сжижению газа, перевалочные комплексы. Реализация этих, сопутствующих торговому договору, проектов позволит увеличить число рабочих мест.

Торговая деятельность, являясь ведущей среди других видов предпринимательской деятельности, при этом не имеет в России своего системообразующего правового акта – кодекса. Это вызвано отчасти тем, что на протяжении веков роль торговой деятельности в России принижалась. Дворянство презирало торговцев, идеологи коммунизма враждебно относились к коммерции, не понимая ее роли в развитии экономики. Литература и искусство изображало представителей торговли в отрицательном свете. Теоретические разработки коммерческого права были прерваны советской эпохой. Это привело к тому, что российские юристы утратили опыт кодификации рыночных норм.

В странах развитого капитализма научная разработка коммерческого права последовательно ведется несколько столетий, а коммерсанты имеют высокий социальный статус в обществе. Российским же юристам приходится действовать в сложной экономико-правовой обстановке. С одной стороны был разрушен единый народнохозяйственный комплекс, который регулировался административно-плановым механизмом. С другой стороны, еще не созданы «нормальные» рыночные отношения. По на-

шему мнению, тормозом в развитии рыночных отношений служит принципиальная невозможность регулирования торговых отношений на основе гражданского законодательства. Консерватизм Гражданского кодекса приводит к массовому изданию нормативных актов, регулирующих товарное обращение. Появилось множество ведомственных и региональных актов, которые носят разрозненный характер, содержат противоречия. Прорывы в торговом законодательстве тормозят экономическое развитие страны. Поэтому и возникает потребность в систематизированном виде изложить правовое регулирование торгового оборота.

Помимо прочего, необходимо учитывать лидирующую роль коммерческого права. Развитие рыночных отношений переместило центр тяжести хозяйственной деятельности с непосредственного производства на торговые операции. По мнению многих специалистов коммерческого права торговый оборот начинается с продажи изготовителем произведенного им продукта. Так, Б.И. Пугинский отмечает, что, если «не будет акта продажи созданных продуктов – не будет рыночных отношений» [3].

В современной юридической науке вопрос о кодификации торгового законодательства является дискуссионным. Так, в ноябре 2006 г. в МГУ обсуждалась концепция Торгового кодекса РФ. На эту проблему высказан ряд точек зрения. В.Ф. Попондопуло считает, что «принятие торгового кодекса в развитие ГК РФ возможно, но нецелесообразно» [2]. В тоже время Б.И. Пугинский придерживается иной точки зрения и считает, что в настоя-

щее время существует «настоятельная необходимость разработки Торгового кодекса России» [3]. Как представляется, данная точка зрения больше соответствует реалиям сегодняшнего дня. Объективным показателем развития торгового права в сторону кодификации законодательства служит принятие в последнее время многими странами отдельных торговых кодексов. Франция в 2000 г. приняла новый Торговый кодекс, также внесены изменения в торговые кодексы стран, принятых много лет назад.

Перспектива кодификации торгового законодательства ставит перед российскими юристами вопрос о внесении в российскую законодательную практику элементы западной правовой экономической нормативности. Однако надо учитывать, что западное торговое законодательство и правовая наука отражают особенности торговой деятельности в условиях развитого товарного рынка. В России товарный рынок только формируется. Поэтому опыт западных стран в кодификации законодательства, рыночные нормы развитого капитализма могут использоваться нашими юристами с соответствующими коррективами. Механическое перенесение западных рыночных норм при кодификации Торгового кодекса может порождать в нашем обществе неправомерное распределение собственности. В свое время использование западной нормативности на начальном этапе проведения рыночных реформ стало одной из причин сомнений в «легитимности» приватизации государственной собственности. На основе этих норм была проведена незаконная, по мнению массового правосознания, «ваучерная» приватизация,

«лукавые» залоговые аукционы, «узаконенные» рейдерские захваты, и другие сделки с заинтересованностью.

Рыночное правосознание западных предпринимателей не приемлет подобного способа приобретения собственности. То, что для западного предпринимателя является исключением, для российских предпринимателей стало правилом ведения бизнеса. Введение рыночных механизмов саморегулирования, либерализация экономического законодательства и правовая свобода дает простор российским предпринимателям для злоупотребления. В настоящее время, по нашему мнению, имеется существенный разрыв между правом и представлениями граждан о должном и справедливом. Это вызвано сомнительной законностью многих эпизодов приватизации бывшей советской общенародной собственности, что привело к явлению существенного экономического неравенства граждан. В некоторых регионах и городах России децильный коэффициент (отношение совокупных доходов десяти процентов наиболее обеспеченного населения к совокупным доходам десяти процентов самых малообеспеченных) превышает 30–50 раз при пороговом уровне в 10 раз [1].

Кодификация рыночных норм в новой России должна происходить с использованием собственного правового аппарата, разработанного с учетом массового экономического правосознания. Российское правосознание характеризуется тем, что оно никогда не формировалась в условиях развитого капитализма. Кроме того кодификация норм, которые закрепляют несправедливую в массовом правосознании приватизацию, ведет к ослаблению соци-

альной легитимации экономического права. Подводя некоторые итоги исследования отметим, что:

– в современном глобализующемся мире торговля оказывает решающее влияние на всю экономическую деятельность;

– развитию российского предпринимательства будет способствовать системное законодательное регулирование торговой деятельности путем издания Торгового кодекса;

– попытка решить задачи торговой деятельности в рамках гражданского кодекса не обеспечивает эффективного регулирования ни торговых, ни гражданских отношений;

Торговый кодекс России не должен кодифицировать нормы, которые закрепят (сомнительную ныне) легитимность приватизированной собственности.

На наш взгляд, принятие Торгового кодекса России целесообразно в том

случае, если подавляющее большинство населения признает легитимной приватизацию общенародной собственности; будет сформирован российский правовой аппарат, способный кодифицировать рыночные нормы, соответствующие представлению населения о должном и справедливом, что исключило бы неправоное отчуждение собственности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зорькин В.Д. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. 2014. 22 мая.
2. Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. 800 с.
3. Пугинский Б.И. Коммерческое право России: учебник / 5-е изд. М.: Зерцало-М, 2013. 376 с.
4. Россия заключила с Китаем эпохальный контракт по поставкам газа // Российская газета. 2014. 22 мая.

УДК 340.11

Хаснутдинов Р.Р.*Самарский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России***КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. При исследовании структуры системы юридической ответственности на основе отраслевого критерия автор выделяет отдельные виды юридической ответственности в качестве структурных элементов. Рассматриваются трактовки различных функций конституционной ответственности (восстановительной, карательной, превентивной и других) в правовой литературе. Исходя из анализа содержания и выполняемых функций конституционной ответственности, автор обосновывает ее включение в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционная ответственность, отрасли права, функции ответственности.

R. Khasnutdinov*Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia***CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY AS A STRUCTURAL ELEMENT
OF THE SYSTEM OF LEGAL LIABILITY**

Abstract. In studying the structure of the system of legal liability based on the branch criteria the author highlights certain types of legal liability as structural elements. In this paper, based on the analysis of the content and functions of the constitutional responsibility, the author substantiates its inclusion in the system of legal liability as a structural element.

Key words: legal liability, constitutional responsibility, branches of law, functions of liability.

Для реализации системного подхода к юридической ответственности в форме теоретической концепции под названием функциональной системы [8, с. 51–55, 89–90], весьма важными являются структурные исследования, в частности выделение структурных элементов – видов юридической ответственности. В этой связи, с одной стороны, следует определить критерий, дифференцирующий юридическую ответственность на виды (структурные элементы), а с другой – показать не только самостоятельность каждого выделенного вида юридической ответственности (структурного элемента), но и соответствие специфическим особенностям структуры функциональной системы в целом, и системы юридической ответственности в частности¹.

© Хаснутдинов Р.Р., 2014.

¹ Основу специфических особенностей структуры функциональной системы в целом, и структуры системы юридической ответственности в частности, составляет центральное организующее влияние фокусированного полезного результата функциональной системы и системы юридической ответственности соответственно [8, с. 51–52, 79–80, 90].

Решая первую из поставленных задач, следует отметить, что выделять структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности можно по разным критериям, например, по функциональному или целевому критериям, субъективному или субъектному критериям, отраслевому критерию и др. Однако, приоритетным признан отраслевой критерий. «В рамках такой классификации на основе отраслевого критерия, – считает Д.А. Липинский, – происходит наиболее крупное, первоначальное деление юридической ответственности. Отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права» [1, с. 227, 228]. Отдавая предпочтение отраслевому критерию, в качестве структурных элементов (компонентов) системы юридической ответственности можно выделить следующие виды юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и гражданско-процессуальную ответственность [9, с. 650–652].

Поскольку в статье не представляется возможным обосновать все выделенные структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности, внимание сосредоточим на конституционной ответственности. Для научного обоснования конституционной ответственности как структурного элемента (компонента)

системы юридической ответственности необходимо показать не только состоятельность отраслевого критерия, а еще и соответствие конституционной ответственности специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности. Самостоятельность такого выделенного структурного элемента (компонента) системы юридической ответственности как конституционная ответственность убедительно доказывают современные исследования [2; 3, с. 33–42; 4, с. 168–196; 5, с. 81–88; 6; 7, с. 106–111; 10]. Так, например, по результатам исследования Н.В. Витрука, «конституционная ответственность есть самостоятельный вид юридической ответственности». Ее основная (главная, определяющая) цель «состоит в поддержании конституционности как особого режима в правовой жизни общества и государства». Достижение этой цели «осуществляется путем решения задач охраны и защиты основ конституционного строя, фундаментальных ценностей», закрепленных в Конституции РФ.

К основным (ведущим) функциям конституционной ответственности Н.В. Витрук относит восстановительную и карательную функции. Восстановительная функция юридической ответственности направлена «на утверждение верховенства и высшей юридической силы, обеспечение прямого действия Конституции РФ на всей территории государства». Она «реализуется путем осуществления полномочий Конституционного Суда РФ по абстрактному и конкретному нормоконтролю, по разрешению споров о компетенции, проверке консти-

туционности инициативы проведения всероссийского референдума по поставленному вопросу (поставленным вопросам)...». К примеру, «признавая положение закона не соответствующим Основному Закону РФ, Конституционный Суд РФ тем самым восстанавливает конституционность в обществе и государстве, исправляет ошибку законодателя (ни о каком наказании участников законодательного процесса речь здесь не идет)».

Карательная функция конституционной ответственности «направлена на справедливое возмездие (кару), выражающееся в претерпевании виновным в конституционном нарушении определенных лишений, и включает применение компетентными органами и должностными лицами мер наказания (санкций)». Она «реализуется при совершении конституционного <...> деликта и выражается в несении бремени, ограничении прав, прекращении полномочий, лишении определенного статуса участника публичных отношений (отстранение Президента РФ и других высших должностных лиц от должности, роспуск представительного (законодательного) органа государственной власти субъекта РФ и т. п.)». Также Н.В. Витрук выделяет дополнительные (сопутствующие) функции конституционной ответственности: предупредительную, воспитательную и стимулирующую [4, с. 170–172].

Следует заметить, что есть и иные мнения в отношении функций конституционной ответственности. К примеру, Д.А. Липинский выделяет регулятивную, превентивную, карательную и восстановительную функции конституционной ответственности. «Регулятивная функция конституцион-

ной ответственности, – объясняет он, – призвана закрепить и упорядочить регулятивные отношения. Она направлена на формирование поведения, деятельности субъектов конституционной ответственности. Субъекты конституционной ответственности могут быть как индивидуальными, так и коллективными» [1, с. 235].

Превентивная функция, «воздействуя на волю и сознание субъектов конституционной ответственности, ... в конечном итоге формирует их правомерное поведение, упорядочивает общественные отношения и не допускает развития социально опасных отношений. Превентивная функция конституционной ответственности призвана не допустить нарушения регулятивного конституционного правоотношения и реализации карательной функции» [1, с. 238].

Карательная функция юридической ответственности преследует цель кары, наказания, а выделенные меры защиты (отмена решения, введение чрезвычайного положения) преследуют цели защиты, восстановления конституционного порядка, безопасности граждан. ... Реализоваться карательная функция может только в случае совершения конституционного правонарушения. ... Карательная функция конституционной ответственности исключает субъектов, наделенных властными полномочиями, из конституционных правоотношений, участниками которых они являлись и которые нарушили своими деяниями. Фактически карательная функция прекращает правоотношения с участием указанных субъектов [1, с. 239, 242, 243], изменяет их правовой статус и сужает имущественную сферу.

Восстановительная функция конституционной ответственности «направлена на восстановление нарушенных общественных отношений, как непосредственно урегулированных нормами конституционного права, так и опосредованных ими. Восстановительная функция конституционной ответственности способствует нормализации закрепленных в Конституции и в иных нормативно-правовых актах отношений между различными ветвями власти, между федерацией и субъектами федерации. Она направлена на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя» [1, с. 245].

Неоднозначность трактовки вопроса о функциях конституционной ответственности лишь укрепляет состоятельность отраслевого критерия для наших предметных исследований, точнее, состоятельность выделения конституционной ответственности в качестве структурного элемента (компонента) системы юридической ответственности. Иначе говоря, если методологический ориентир направлен на исследование функций конституционной ответственности, то уже не приходится сомневаться в самостоятельности данного вида юридической ответственности. В то же время, такие сомнения вызывают высказывания некоторых исследователей, к примеру, С.Д. Князева, что конституционная ответственность «неизвестна действующему законодательству». Но, поясняет он далее, отсутствие нормативно-правового закрепления конституционной ответственности «компенсируется официальной легализацией Конституционным Судом РФ..., неоднократно признававшим наличие ее мер в

различных федеральных законах» [5, с. 82].

Примером тому служат Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П и Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П¹. Так, «устанавливая функции и полномочия федеральных органов государственной власти, – говорится в Постановлении 28-П, – Конституция Российской Федерации исходит из характера их конституционных взаимоотношений. Президент Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является главой государства<...> В силу своего места в системе разделения властей Президент Российской Федерации в качестве главы государства определяет в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства<...>, реализация которой возложена на Правительство Российской Федерации... Именно этим обусловлены полномочия Президента Российской Федерации по формированию Правительства Российской Федерации, определению направлений его деятельности и контролю за ней<...>»,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея».

а также конституционная ответственность Президента Российской Федерации за деятельность Правительства Российской Федерации. Отсюда вытекает и роль Президента Российской Федерации в определении персонального состава Правительства Российской Федерации, в том числе в выборе кандидатуры и назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации».

В соответствии с особым мнением судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука, принцип конституционной ответственности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации перед федеральной властью должен быть закреплен если не в самой Конституции РФ, то в законе самой высокой юридической силы. Реализация этого принципа «непосредственно затрагивает, наполняет новым содержанием конституционный статус Российской Федерации и ее субъектов».

Таким образом, конституционная ответственность, являясь самостоятельным видом юридической ответственности, может войти в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента (компонента), но при условии ее соответствия специфическим особенностям структуры функциональной системы в целом, и системы юридической ответственности в частности. Поскольку основу данных специфических особенностей составляет центральное организующее влияние фокусированного полезного результата функциональной системы и системы юридической ответственности соответственно, то главным условием ука-

занного соответствия будет возможность подчинения конституционной ответственности фокусированному полезному результату, формулируемому в соответствии с государственной правовой политикой.

В качестве фокусированного полезного результата системы юридической ответственности, мы сформулировали обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства. Если рассматривать содержание конституционной ответственности как это делает Н.В. Витрук, то есть, с позиции двух самостоятельных направлений своего действия, то ее вполне можно подчинить такому фокусированному полезному результату как обеспечение уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства.

Так, по мнению Н.В. Витрука, содержание конституционной ответственности «может иметь два самостоятельных направления своего действия». К первому направлению он относит **«восстановление** конституционности и конституционного порядка, непосредственная защита нарушенных основных прав, свобод и законных интересов субъектов конституционных правоотношений путем их восстановления либо надлежащей компенсации в случае невозможности восстановления прежнего правового состояния». Вторым направлением является **«справедливое возмездие** (кара, наказание) для нарушителей конституционных установлений [4, с. 171]. Такое содержание конституционной ответственности, несомненно, позволяет

подчинить ее обеспечению уровня правонарушений, соответствующего оптимальному функционированию демократического правового социального государства. Таким образом, исходя из вышесказанного, конституционную ответственность следует включить в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента (компонента).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология юридической ответственности: в 5-ти томах. Том 1 / отв. ред. и рук. авт. кол. Р.Л. Хачатуров. – Самара: Асгард, 2012. 544 с.
2. Виноградов В.А. Субъекты конституционной ответственности: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 190 с.
3. Витрук Н.В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С.А. Авакьяна. М.: МГУ, 2001. С. 33–42.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / 2-е изд., испр и доп. М.: Норма, 2009. 432 с.
5. Князев С.Д. Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 81–88.
6. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в РФ: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства РФ. М: Городец, 2000. 191 с.
7. Ситдииков В.Т. Конституционная ответственность: проблемы теории и практики // Юридическая ответственность в публично-правовой и частноправовой сфере: сб. матер. российской науч.-практич. конф. (20 ноября 2009 г.). Уфа, 2010. С. 106–111.
8. Хаснутдинов Р.Р. Проблемы методологии системного подхода к юридической ответственности. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. 110 с.
9. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 950 с.
10. Штурнев А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения в Российской Федерации. Иркутск: БГУЭиП, 2004. 225 с.

РАЗДЕЛ IV. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 343.2/.7

Сеничева П.В.

Московский государственный университет приборостроения и информатики

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ» И «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ» (В РАМКАХ СТ. 277 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)

Аннотация. В статье поднимается проблема определения круга потерпевших в рамках ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), так как уголовный закон не раскрывает содержание понятий государственного и общественного деятелей. Автор разрабатывает предложения, по определению и нормативному очерчиванию круга лиц, подпадающих под потерпевших в рамках ст. 277 УК РФ, что позволит искоренить возможность субъективного критерия оценочности и поможет решить ряд проблем при квалификации

Ключевые слова: законодательство, преступление, посягательство, государственный деятель, общественный деятель.

P. Senicheva

Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics

TO THE CONTENT OF THE CONCEPTS “STATESMAN” AND “PUBLIC FIGURES” (UNDER ART. 277 OF THE CRIMINAL CODE)

Abstract. The article raises the problem of defining the victims under Art. 277 of the Criminal Code (violence to life of a statesman or public figure), since the Criminal Law does not reveal the content of the concepts “statesman” and “public figure”. The author develops some proposals to define and delineate the normative range of persons covered by the term “victim” in the Art. 277 of the Criminal Code, which will allow to eliminate the possibility of subjective criteria for assessment and help to solve some problems in qualifying .

Key words: legislation, crime, encroachment, statesman, public figure.

Потерпевшими от посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля могут быть лица, соответствующие этим определениям. При квалификации данного преступления возникает проблема при выявлении кру-

© Сеничева П. В., 2014.

га потерпевших, поскольку уголовный закон не раскрывает понятия государственного и общественного деятелей, вследствие чего данные понятия носят субъективный, оценочный, размытый, характер в правоприменительной практике, в теории уголовного права вопрос также остается дискуссионным. На сегодняшний день непонятно кто и как оценивает, является ли лицо государственным, общественным деятелем или нет? Следовательно, прокурор, судья – они не вправе давать политическую оценку. Да, например, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, которое основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, но руководствоваться он должен при этом не только внутренним убеждением, но и законом. Однако в законодательных актах РФ не очерчен круг лиц относящихся к понятию государственного, общественного деятеля, да и постановления высших судов молчат по данному вопросу, таким образом, суд оставляют один на один с собственными внутренними убеждениями, поскольку правовой опоры законодатель не предоставил.

Круг потерпевших подпадающих под состав преступления, предусмотренный ст. 277 Уголовного кодекса (УК) РФ, определяют на основе субъективных выводов и пристрастий, оценочных понятий, является ли должностное положение и служебные функции лица значимыми, масштабными, существенными, важными и активными, или в связи с невозможностью разобраться в столь абстрактных понятиях следует вовсе перекалифицировать преступление. Верно ли, перекладывать столь серьезный

вопрос на оценочное мнение человека, пусть даже судьи, тем более что законодателем он не определен, а данный элемент является обязательным признаком рассматриваемого состава преступления. Еще Петр I давая указания о принципах формирования отечественного законодательства, отмечал: «надлежит законы писать ясно, чтобы их не перетолковывать» [5, с. 56].

По нашему мнению, законодателю необходимо нормативно очертить круг лиц, подпадающих под потерпевших в рамках ст. 277 УК РФ, что искоренит возможность субъективного критерия оценочности и поможет решить ряд проблем квалификации. При этом к понятию государственный деятель следует относить лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации. Подобной точки зрения придерживается ряд ученых [2, с. 1054]. Государственная должность является центральным звеном системы государственного управления, лица, замещающие государственные должности непосредственно исполняют полномочия федеральных государственных органов и субъектов РФ и посягательство на них в полном объеме подрывает основы конституционного строя, угрожает безопасности государства, дестабилизирует политическую систему страны. Так, в ст. 1 Федерального Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ расшифровывается понятие государственной должности РФ и государственной должности субъекта РФ как должностей, кото-

¹ Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ в ред. от 02.04.2014 г.

рые устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, или устанавливаемых конституциями (уставами), законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации.

Действующая Конституция РФ (1993 г.) закрепляет такие государственные должности, как: Президент РФ (ст. ст.11, Гл. 4), депутаты ГД РФ (Гл. 5), и др. Указом Президента РФ «О государственных должностях Российской Федерации»¹ в целях систематизации государственных должностей утвержден Сводный перечень наименований государственных должностей РФ. Данный перечень содержит, например такие должности, как: Секретарь Совета Безопасности РФ, Председатель Счетной палаты и др. В соответствии с Указом Президента «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» утвержден перечень типовых государственных должностей субъектов РФ². Данный перечень включает, например, такие должности, как депутат законодательного (представительного) органа власти субъекта РФ, мировой судья и др.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»³ указанные должности не относятся к государственной службе и лица их, замещающие не имеют статуса государственного слу-

жащего. Поскольку государственная служба РФ – это профессиональная служебная деятельность не по непосредственному исполнению полномочий федеральных государственных органов и субъектов РФ, а по обеспечению исполнения их полномочий. В связи с чем, бесосновательно включать государственных служащих в круг лиц входящих в понятие государственного деятеля, поскольку указанная категория осуществляет деятельность по обеспечению исполнению полномочий лиц, занимающих государственные должности РФ и субъектов РФ.

На наш взгляд, к общественным деятелем, следует относить во-первых, руководителей и иных лиц, входящих в состав руководящего органа, политических партий, блоков, общественных объединений и иных общественных образований осуществляющих политическую деятельность. Во-вторых, целесообразно включить в круг потерпевших представителей муниципальной власти. Да, местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, однако в соответствии с Конституцией РФ, органы государственной власти и органы местного самоуправления осуществляют власть на территории РФ. Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя РФ, это форма осуществления народом своей власти⁴. По вопросам, отнесенным к самостоятельному ведению органы местного самоуправления принимают самостоятельные

¹ Указ Президента РФ от 11.01.1995 г. № 32 в ред. от 12.07.2012 г.

² Указ Президента РФ от 04.12.2009 г. № 1381.

³ Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ в ред. от 02.07.2013 г.

⁴ См.: Конституцию РФ и Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

политически важные решения, которые, безусловно, составляют одну из основ конституционного строя РФ и важное звено политической системы РФ. По нашему мнению, на основании вышеизложенного к общественным деятелем необходимо относить лиц, замещающих муниципальные должности. Они непосредственно исполняют полномочия муниципальной власти и посягательство на них также подрывает основы конституционного строя, угрожает безопасности государства, нарушает нормальное функционирование муниципальной власти, а следовательно политической системы государства. Муниципальная власть – это такой же вид публичной власти, но не государственный [3; 4]. В СМИ очень часто сообщается о посягательствах на жизнь лиц, замещающих муниципальные должности, только за последние несколько лет подобные деяния совершены по отношению к нескольким десяткам глав муниципальных образований, депутатов представительного органа муниципального образования и др. Проблема их безопасности, не теряет своей актуальности. В ст. 2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» раскрывается понятие лица, замещающего муниципальную должность, – это депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления, член избирательной комиссии муниципального образования, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, с правом решающего голоса. ФЗ «О муниципальной службе

в Российской Федерации»¹ не определяется статус лиц, замещающих муниципальные должности, поскольку они не являются муниципальными служащими. Муниципальная служба – это профессиональная деятельность по обеспечению исполнения полномочий органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования или лица, замещающего муниципальную должность.

В Реестр муниципальных должностей включаются должности, устанавливаемые уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами и законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий органов местного самоуправления, иных муниципальных органов и представляют собой перечень наименований муниципальных должностей. Что касается контрольно-счетного органа, то он является самостоятельным органом в структуре органов местного самоуправления. Такие должности как председатель, заместитель председателя, аудиторы контрольно-счетного органа муниципального образования могут быть отнесены к муниципальным должностям в соответствии с законом субъекта РФ или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в соответствии с законом субъекта РФ². Таким образом, должности пред-

¹ Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ в ред. от 04.03.2014 г.

² См.: ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 04.03.2014 г.) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

седателя, заместителя председателя, аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования могут относиться в одних муниципальных образованиях к муниципальным должностям, в других же напротив, к должностям муниципальной службы исходя из этого находясь, в соответствующих реестрах.

Обобщая вышеизложенное по вопросам касаясь контрольно-счетного органа муниципального образования, считаем нелогичным, несистемным такое двойственное, альтернативное решение законодателя. Контрольно-счетный орган, является самостоятельным, постоянно действующим органом внешнего муниципального финансового контроля, его деятельность основывается на принципе независимости и не может быть приостановлена, даже в случае досрочного прекращения полномочий представительного органа муниципального образования. Контрольно-счетный орган муниципального образования, в лице председателя, заместителя председателя, аудиторов непосредственно исполняют важные полномочия муниципальной власти, особенно в условиях противодействия коррупции, и их полномочия не меняются в зависимости от установленного законодателем статуса, а остаются прежними, будь-то они лицами, замещающими муниципальную должность или муниципальными служащими. *На основании вышеизложенного считаем необходимым на законодательном уровне определить статус председателя, заместителя председателя, аудиторов Контрольно-счетного органа муниципального образования только как лиц, замещающих муниципальную должность.*

В-третьих, на наш взгляд, к общественным деятелем, следует относить зарегистрированных в установленном законом порядке кандидатов для избрания на государственные должности РФ, субъекта РФ и на муниципальные должности муниципального образования. Поскольку фактическое политическое изолирование таких лиц, вследствие конкурентной политической борьбы или политической негодности, посредством посягательства на их жизнь, не только нарушает право быть избранным, но и право избирать, ограничивая волеизъявление электората и нарушая легитимность выборов, в целом дестабилизируя и изменяя политическую систему страны.

После нападения на политического журналиста О. Кашина депутат Б. Резник подготовил и внес законопроект, с предложением внести в ст. 277 УК РФ ряд изменений в частности, к общественным деятелям депутат предлагал приравнять журналистов [1], однако данные поправки так и не были внесены в уголовное законодательство. Да, несомненно, в СМИ сообщается о посягательствах на жизнь журналистов, чья деятельность имеет яркий политический характер, политическую направленность, например Анна Политковская, Олег Кашин, но квалифицировать такие преступные деяния по ст. 277 УК РФ, на наш взгляд, не представляется возможным без субъективизации оценочного критерия, размытости и абстрактности в понятиях.

Обобщая вышеизложенное, под государственным деятелем в настоящей статье настоящего Кодекса, на наш взгляд, необходимо понимать лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и лиц, заме-

щающих государственные должности субъекта Российской Федерации. Под общественным деятелем руководители и иных лиц, входящих в состав руководящего органа политических партий, блоков, общественных объединений и иных общественных образований, осуществляющих политическую деятельность, лиц, замещающих муниципальные должности, а также зарегистрированных в установленном законом порядке кандидатов для избрания на государственные должности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и на муниципальные должности муниципального образования. С учетом отмеченных обстоятельств, представляется необходимым дополнить рассматриваемую уголовно-правовую норму примечанием, в котором будут раскрыты понятия государственного и общественного деятелей, что нормативно очертит круг лиц, подпадающих под потерпевших в рамках ст. 277 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Журналистов приравняют к госдеятелям // Российская газ. 2011. 9 нояб.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1391 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17.04.1996г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства РФ, 03.02.1997, № 5, ст. 708.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // Собрание законодательства РФ, 26.01.1998, № 4, ст. 532.
5. Рогов В.А. История государства и права России IX начала XX веков. М.: Зерцало; ТОО ТЕИС, 1995. 263 с.

УДК 347.9

Фадеев П.И.*Московский государственный областной университет***ПЕРСПЕКТИВЫ МЕДИАЦИИ,
КАК НОВОГО СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ**

Аннотация: В статье исследуется весьма актуальный вопрос перспектив медиации, как совершенно новой альтернативной примирительной процедуры. Изложен анализ нормативно-правового регулирования процедуры медиации, рассматривается история и понятие медиации, выделяются характерные особенности, перспективы и преимущества медиации, как нового способа урегулирования конфликтов в сравнении с судебным разбирательством споров. Автором вносятся конкретные предложения по изменению действующего законодательства о применении процедуры медиации, конкретизируется необходимость данных изменений.

Ключевые слова: медиация, медиатор, стороны спора, судебное разбирательство, законодательство.

P. Fadeyev*Moscow State Regional University***THE PROSPECTS OF MEDIATION
AS A NEW METHOD OF CONFLICT RESOLUTION**

Abstract. In this paper we study a very relevant question of the prospects of mediation as an entirely new alternative conciliation. To achieve this goal, the author analyzes the regulatory mediation, examines the history of the concept of mediation and highlights the characteristics of the prospects and benefits of mediation as a new method of conflict resolution in comparison with litigation disputes. The author makes concrete proposals for changes in the current legislation on the use of mediation particularizing the need for this change.

Key words: mediation, mediator, conflicting parties, proceeding, legislation.

Выбор проблематики исследования не случаен, так как в связи с введением в действие нового законодательного акта, а именно Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹, на первый взгляд, многие проблемы, связанные с процедурными аспектами урегулирования споров должны быть минимизированы. Однако можно с уверенностью сказать, что данный вывод, может быть подвергнут сомнению. Вследствие этого возникает резонный вопрос: так ли эффективна медиация, как совершенно новый способ урегулирования конфликтов?

© Фадеев П. И., 2014.

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. N 31. Ст. 4162 (далее – закон о процедуре медиации).

Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения (закон о процедуре медиации). Для российского законодательства понятие «медиация» является новым. Однако аналогичные ей примирительные процедуры известны российскому праву уже давно. В частности, в дореволюционный период (до 1917 г.) в России получила широкое распространение процедура урегулирования споров между промышленниками с участием посредника. Следует отметить, что и в советское время существовали досудебные способы разрешения споров, правда, преимущественно в семейных и трудовых правоотношениях. Более того, с 2006 г. в нашей стране при Торгово-промышленной палате РФ действует коллегия посредников по проведению примирительных процедур [1, с. 1]. То есть процедуры аналогичные медиации, применяются в России уже длительное время.

Медиатором является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Данная деятельность может осуществляться на профессиональной и на непрофессиональной основе. Примечательно, что законодательством не установлено никаких требований к квалификации и образованию непрофессиональных медиаторов, а устанавливаются лишь общие условия: достижение возраста восемнадцати лет, наличие полной дееспособности и отсутствие судимости (см. закон о процедуре медиации).

Данные положения, на наш взгляд, являются дискуссионными, поскольку для качественного исполнения своих обязательств посреднику необходимо иметь особую подготовку (в частности, «владение процедурными навыками и технологией медиации, умение анализировать конфликт, осуществлять переговоры») [3, с. 79]. Для лиц же желающих стать профессиональными медиаторами необходимо: 1) достижение возраста двадцати пяти лет; 2) наличие высшего образования; 3) получение дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации (закон о процедуре медиации). Медиатор должен быть беспристрастным, то есть не ставить одну из сторон в преимущественное положение и умалять охраняемые законом интересы и права другой стороны.

Закон о процедуре медиации не признает деятельность медиатора в качестве предпринимательской деятельности. При этом в соответствии с ним же, государственные и муниципальные служащие, государственные должностные лица не могут быть медиаторами. Мы считаем, что этот запрет является не вполне обоснованным, поскольку посредник может осуществлять свою деятельность и бесплатно.

Медиация применяется после возникновения споров, которые обычно рассматриваются в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства. Это споры, вытекающие из трудовых (за исключением коллективных трудовых споров), гражданских и семейных правоотношений. Но, медиация не может применяться к вышеназванным спорам, если затрагиваются публичные интересы или права

и охраняемые законом интересы третьих лиц не участвующих в процедуре.

Закон о процедуре медиации не содержит отдельной нормы, определяющей круг лиц участвующих в процессе урегулирования спора. Он указывает лишь то, что соглашение о проведении процедуры медиации – это соглашение сторон. Сторонами же являются субъекты спорного правоотношения, которые желают урегулировать конфликт с помощью посредника. Следует отметить, что в медиации нет третьих лиц как заявляющих, так и не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, в отличие от разбирательства дела в рамках судопроизводства. Иначе говоря, все лица заинтересованные в исходе конфликта участвуют в примирительной процедуре в качестве сторон. Однако важно подчеркнуть, что медиатор не будет являться субъектом спора и выступает лишь в качестве посредника. Вместе с этим, по инициативе сторон, для предоставления дополнительных сведений и убеждения другой стороны, в процедуре медиации могут участвовать переводчики, эксперты, специалисты, свидетели. Но в отличие от судебного процесса, доказывать обстоятельства, относящиеся к делу они не должны.

При этом совершенно справедливо, возникает вопрос, в частности, относительно семейных споров, где в основном затрагиваются права и законные интересы детей – будут ли являться, «несовершеннолетние дети сторон соглашения, субъектами отношений, связанных с применением процедуры медиации» [2, с. 35]? Вследствие этого, на наш взгляд, вопрос о круге лиц, участвующих в процедуре медиации в ближайшее время должен

быть детально регламентирован законодателем.

Процедуру медиации, согласно законодательству, можно применять как в рамках судебного разбирательства, на любой стадии процесса вплоть до вынесения судебного акта по делу, так и в досудебном и во внесудебном порядке. В связи с этим, является некорректным употребление термина «альтернативное разрешение споров» в законе, поскольку в соответствии с ним же, возможно «применение сторонами процедуры урегулирования спора с участием посредника и в рамках судебного разбирательства, а не только вместо него» [2, с. 34].

Основанием для применения процедуры медиации являются соглашения сторон, в том числе, соглашение о применении процедуры медиации. К сожалению, закон о процедуре медиации не конкретизирует, какие именно соглашения кроме выше названного, являются основаниями для урегулирования конфликта с помощью посредника и соответственно не содержит признаков и требований к их содержанию и форме. Данные обстоятельства порождают в теории многочисленные дискуссии относительно этих соглашений, а также проблемы в правоприменительной деятельности. Соглашение же о применении процедуры медиации, согласно закону, заключается сторонами в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, медиаторе или организации, которая оказывает услуги по примирению, о порядке проведения процедуры медиации, об условиях участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации, о сроках проведения процедуры медиации.

Пробелом действующего законодательства в данной сфере, на наш взгляд, является и отсутствие в нем положения о возможности заключения соглашения о применении процедуры медиации, а также медиативного соглашения не только спорящими сторонами, но и их представителями. Данной нормы не содержит ни закон о процедуре медиации, ни Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РФ¹ и Арбитражный процессуальный кодекс (АПК) РФ², ни закон о третейских судах³. Таким образом, представители сторон в гражданском, арбитражном, третейском судопроизводстве не могут заключить вышеназванные соглашения, что исключает возможность в рамках судебного процесса урегулировать конфликт посредством процедуры медиации для юридических лиц и делает это затруднительным для физических лиц.

Согласно ст. 3 закона о процедуре медиации, процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. Но в данной статье, к сожалению, не закреплен базовый правовой принцип законности, который содержится и в Конституции РФ, и в процессуальном законодательстве, и в законе о третейских судах. Его законодательная регламентация крайне важна и необходима, поскольку

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

² Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

³ Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

возможно заключение медиативного соглашения в рамках судебного процесса, когда оно утверждается судом в качестве мирового соглашения. И если медиативное соглашение будет заключено с нарушением принципа законности, то суд его не утвердит. В результате чего, меры, направленные на урегулирование конфликта данным способом, окажутся тщетными. Данная ситуация усугубляется еще и тем, что в законе о процедуре медиации для медиатора отсутствует ценз о высшем юридическом образовании.

Еще одним самостоятельным вопросом, требующим детального разрешения, является положение о том, что действующее законодательство не содержит единой нормы о свидетельском иммунитете медиатора. Так, пункт 1 части 3 статьи 69 ГПК РФ и часть 5.1 статьи 56 АПК РФ содержат прямой запрет на допрос медиатора об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением им своих обязанностей. При этом в законе о третейских судах не содержится такого иммунитета, в связи с чем, можно сделать вывод, что посредник может быть допрошен в третейском суде об обстоятельствах проведенной процедуры.

От иных форм разрешения споров медиацию отличает отсутствие у посредника полномочий на вынесение общеобязательных для исполнения решений. В данном случае решение принимают сами стороны. А задачей медиатора, является лишь оказание помощи субъектам спорного правоотношения в нахождении консенсуса, взаимовыгодных решений и урегулировании разногласий, а не в определении, кто прав, а кто виноват в ка-

кой-либо конкретной ситуации, и не в принятии решения по делу.

Существенным образом процедура медиации отличается от защиты права в судебном порядке (см. табл.), в рамках которого стороны рассматриваются как процессуальные оппоненты; судебное разбирательство ведется в процессуальной форме, по определенным правилам, которые регламентированы законодательством; решение выносится судебными органами [4, с. 23].

Следует отметить, что безусловным преимуществом процедуры медиации относительно судебной формы защиты права является более быстрое разрешение спора, что неизбежно ведет к экономии финансовых, временных и эмоциональных затрат. Разрешение спора, в менее напряженной обста-

новке позволяет сохранить в будущем для спорящих сторон взаимовыгодные партнерские, деловые отношения.

Другим преимуществом процедуры медиации является ее конфиденциальность. Так, медиатор получивший информацию, касающуюся конфликта, от одной стороны, не имеет право без ее согласия сообщить эту информацию другой стороне правоотношения. Также без согласия субъектов спора посредник не вправе разглашать данные, ставшие ему известными при проведении процедуры урегулирования конфликта. Запрещается истребование от медиатора информации связанной с примирительными процедурами, за исключением случаев, когда это необходимо в соответствии с законом.

Таблица

Сравнительная характеристика медиации и судебного порядка при разрешении споров

Суд	Медиация
Процесс может возбуждаться и помимо воли одной из сторон	Процедура медиации применяется на основании приглашения сторон, т. е. носит добровольный и взаимный характер
Судью назначают	Медиатора выбирают сами стороны или назначает организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, после обращения сторон
Решение выносится судом на основании и в строгом соответствии с нормой права	Решение принимается сторонами в рамках закона
Суд имеет властно-распорядительные полномочия	Посредник не имеет властно-распорядительных полномочий и лишь способствует принятию взаимоприемлемого решения
Затяжной и формализованный процесс	Быстрая и неформальная процедура
Состязательность сторон	Сотрудничество, переговоры сторон
Гласность процесса	Конфиденциальность процедуры

Рассмотрев вопрос о перспективах медиации в Российской Федерации, мы пришли к следующим выводам, что медиация – это новый и перспективный способ урегулирования споров; процедура медиации по ряду критериев, имеет преимущество перед разрешением споров в порядке судопроизводства (в частности, это такие критерии, как: конфиденциальность процедуры; малые сроки разрешения споров; экономичность и гибкость процесса; выработка и принятие решения по существу самими сторонами спорного правоотношения); действующее законодательство, регламентирующее процедуру медиации, имеет значительное количество пробелов. В связи с последним считаем необходимым восполнить один из имеющихся пробелов, закрепив в ст. 3 закона о процедуре медиации принцип законности. Помимо этого, мы предлагаем

внести в закон о третейских судах положение о запрете допроса медиатора в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением своих обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельковец В. Решаем спор по-новому: процедура медиации // Практическая бухгалтерия. 2010. № 11. С. 1–6.
2. Елисеева А.А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 34–39.
3. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 304 с.
4. Куркина Н.В. К вопросу об основаниях возникновения обязательств по компенсации морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2011. № 2. С. 19–26.

НАШИ АВТОРЫ

Баранов Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-tigr@mgou.ru

Дерябина Екатерина Михайловна – доцент кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-tigr@mgou.ru

Ключенко Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры уголовного права Военного университета министерства обороны; e-mail: Larisa-bmstu@yandex.ru

Козьякова Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: nat5985@yandex.ru

Кузьмин Станислав Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-ugpr@mgou.ru

Лаврухин Александр Николаевич – старший преподаватель кафедры предпринимательского права, Московского государственного областного университета; e-mail: lan5309@yandex.ru

Мерзлякова Валерия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: vmerzlyakova@mail.ru

Селезнева Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель филиала Российского государственного социального университета в г. Руза Московской области;

Сеничева Полина Владимировна – аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: polina_2007_88@mail.ru

Фадеев Павел Игоревич – ассистент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: p-fadeev@list.ru

Хаснутдинов Ренат Рафаильевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний России; e-mail: Khasnutdinoff@mail.ru